РУССКИЕ САМОРОДКИ
В. 9
ПЕВЦЫ ВЕРЕСАЙ и ПР.

И 72/130

РУССКІЕ САМОРОДКИ

ВЪ ЖИЗНЕОПИСАНІЯХЪ И ИЗОБРАЖЕНІЯХЪ

Выпускъ IX.

ПѢВЦЫ

ВЕРЕСАЙ, ПЕТРОВЪ, РЯБИНИНЪ, ЩЕГОЛЕНОКЪ.

ИЗДАНІЕ

Училищнаго при Святѣйшемъ Сунодѣ Совѣта.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1910.

РУССКІЕ САМОРОДКИ

ВЪ ЖИЗНЕОПИСАНІЯХЪ И ИЗОБРАЖЕНІЯХЪ.

Выпускъ IX.

ПѢВЦЫ

ВЕРЕСАЙ, ПЕТРОВЪ, РЯБИНИНЪ, ЩЕГОЛЕНОКЪ.

ИЗДАНІЕ

Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Сунодѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Сунодальная типографія.
1910.

ГУБЛИЧ. МУЗЕЙ им. РУМЯНЦОВ. БИБЛІОТЕКА

2007111993

Остапъ Никитичъ Вересай,

пѣвецъ малорусскихъ думъ (1804—1890).

Остапъ Никитичъ Вересай,

пѣвецъ малорусскихъ думъ (1804—1890).

Старъ и слѣпъ нашъ Перебендя,—
Кто его не знаетъ?
Ходитъ-бродитъ онъ по свѣту,
На кобзѣ играетъ.
Старика встрѣчаютъ люди
Съ радостью, съ привѣтомъ:
Онъ печаль разгонитъ,—самъ же
Тяготится свѣтомъ.
Нѣтъ пріюта горемыкѣ,
Нѣтъ ему покоя;
Спитъ подъ тыномъ—знать, надъ старымъ
Шутитъ злое горе.
Вотъ каковъ нашъ Перебендя!
Онъ—чудакъ немалый:
Пѣсню грустную затянетъ,
Кончитъ разудалой.

Т. Шевченко.

Малороссія издавна славилась народными пѣвцами, которые распѣвали сложенныя ими про украинскую старину пѣсни. Свое пѣніе они сопровождали игрой на кобзѣ, бандурѣ или лирѣ, почему назывались «кобзарями», «бандуристами» или «лирниками».

Лѣтъ около тридцати тому назадъ, въ Петербургъ пріѣзжалъ послѣдній малорусскій народный пѣвецъ—старый, слѣпой кобзарь Остапъ Вересай. Пріѣзжалъ онъ въ столицу для того, чтобы наши изслѣдователи, изучающіе народную поэзію, и любители малорусской старины послѣдній разъ послушали изъ устъ дряхлаго Вересая его задушевныя думы про былое казачество и стародавнія пѣсни про Украину. Въ настоящее время такихъ хорошихъ пѣвцовъ, которые знали бы про украинскую старину такъ же много, какъ Вересай, уже нѣтъ.

Правда, на малорусскихъ ярмаркахъ и теперь можно встрѣтить слѣпого дѣда, который жалостливымъ голосомъ тянетъ свои пѣсни подъ заунывные звуки лиры, но такимъ пѣвцамъ очень далеко до Вересая: они забыли старинныя казацкія пѣсни и поютъ лишь переложенную стихами евангельскую притчу про бѣднаго Лазаря *), который умиралъ у воротъ немилосерднаго богача. Знаютъ они и разные духовные стихи, которые также утрачиваются съ каждымъ годомъ. Пѣвцы умираютъ, а вмѣстѣ съ ними утрачиваются и задушевныя, содержательныя ихъ пѣсни. Пѣсни эти замѣняются какими-нибудь новыми, городскими или фабричными, въ родѣ «частушекъ», а кобза и бандура—скрипкой или гармоникой.

Когда Вересая спрашивали, почему онъ не научилъ молодыхъ музыкантовъ своимъ пѣснямъ, онъ говорилъ, что теперь никто уже не любитъ старинныхъ пѣсенъ; что теперь считаютъ ихъ неинтересными, смѣются надъ ними; что теперь пошли разныя новомодныя веселыя пѣсни, и что настоящая казацкая «дума» должна прекратиться, неминуемо исчезнуть вмѣстѣ съ послѣдними представителями добраго, славнаго казачества... Дѣйствительно, старое казачество безъ кобзаря такъ же немыслимо, какъ старорусскій боярскій теремъ безъ гусляра или скомороха.

Лучше Остапа Вересая никто не зналъ малорусскихъ «думъ», какъ называютъ сами пѣвцы

*) Отсюда и произошло выраженіе «пѣть Лазаря», т. е. о чемъ-нибудь жалобно просить.

свои пѣсни изъ прошлаго Украины. Тѣ былины, которыя сохранились въ наше время въ Олонецкой губерніи, на Бѣломъ морѣ, на Печорѣ, вообще на сѣверѣ Россіи, среди великорусскаго населенія,—на югѣ Россіи позабыты. Раньше былины, или сказанія о богатыряхъ, хранились и здѣсь, но впослѣдствіи ихъ замѣнили «думы». Это и понятно. Вѣдь содержаніемъ этихъ думъ служатъ разсказы о борьбѣ казачества съ турками, крымскими татарами и поляками. Боролись казаки, какъ знаютъ читатели и изъ исторіи, и изъ повѣсти Н. В. Гоголя «Тарасъ Бульба», за свою вѣру православную, за свою народность и за свою волю. Польскіе паны, или помѣщики, притѣсняли русскій народъ въ юго-западныхъ губерніяхъ; католическіе ксендзы, или священники, хотѣли ввести въ Малороссіи свою вѣру, а татары и турки совершали набѣги на пограничныя со степью поселенія южной Руси. Опустошали эти басурманы русскія села и города, жгли святые храмы. грабили всякое добро, вырѣзывали иногда все населеніе, кромѣ немногихъ, которыхъ уводили въ плѣнъ и продавали въ рабство. Казаки боролись съ этими врагами, начиная съ XVI вѣка, съ того времени, какъ въ Запорожьѣ возникли казачьи общины, а народъ, въ лицѣ пѣвцовъ-бандуристовъ, воспѣлъ подвиги своихъ защитниковъ. Вотъ почему народу дорога память о былыхъ защитникахъ вѣры православной и земли русской, а потому дороги и пѣсни-думы о нихъ, дороги и тѣ кобзари, которые поютъ такія пѣсни-думы.

Въ одной изъ «думъ» поется о томъ, какъ на татарскихъ поляхъ умираетъ казакъ-бандуристъ. Въ битвѣ потерялъ онъ саблю и коня, весь покрытъ онъ тяжелыми ранами и, разставаясь съ жизнью, прощается со своей бандурой. «Не волки воютъ-завываютъ, не орлы чернокрылые клекочутъ, по поднебесью летаютъ,—то лежитъ старенькій казакъ, сивый, сѣдой, словно голубокъ.» И играетъ онъ на своей кобзѣ, громко запѣваетъ:

Кобза ты моя, подруга вѣрная,
Бандура моя размалеванная!
Куда же мнѣ дѣть тебя?
Сожечь ли во чистомъ полѣ
И пепелъ по полю развѣять?
Или на курганѣ положить?—
Пусть вѣтеръ буйный по степямъ пролетаетъ,
Пусть онъ струны твои задѣваетъ
И такъ тоскливо, такъ жалобно пусть напѣваетъ!

Такіе малорусскіе кобзари и лирники существовали, конечно, съ давнихъ временъ. Проф. Д. И. Эварницкій говоритъ, что казаки, будучи въ душѣ и на дѣлѣ пѣвцами и музыкантами, почти всѣ умѣли играть на кобзахъ. «Но собственно настоящими музыкантами у нихъ были пѣвцы-кобзари, потерявшіе зрѣніе или при рожденіи, или въ зрѣломъ возрастѣ вслѣдствіе несчастныхъ случаевъ, или въ турецкой неволѣ, откуда пытались бѣжать на Украину, но попадались въ руки преслѣдователей, которые лишали ихъ зрѣнія. Казацкіе кобзари всегда были желанными гостьми

для казака, потому что кобзарь «по всему свѣ́ту шатается и про долю поетъ». Кромѣ того, кобзарь у запорожцевъ былъ хранителемъ завѣтныхъ казацкихъ преданій и всѣхъ войсковыхъ обычаевъ: онъ зналъ, какъ творились суды у казаковъ по

Слѣпой бродячій пѣвецъ-«лирникъ» въ Малороссіи.

старинѣ; какъ дѣлились земли; какъ выбирался старшина; какъ и когда снаряжались противъ непріятелей сухопутные или морскіе походы. Во всѣхъ военныхъ предпріятіяхъ кобзари имѣли иногда рѣшающее значеніе. Они дѣйствовали то прямо, когда къ

нимъ обращалось товарищество за рѣшеніемъ того или другого вопроса, то косвенно, когда они старались вліять на самыхъ сильныхъ и самыхъ выдающихся людей среди войскового товарищества.

Въ такихъ случаяхъ кобзари дѣлали иногда то, что своей игрой и пѣніемъ казацкихъ пѣсенъ заставляли подниматься казаковъ изъ Сѣчи и идти на Черное море противъ невѣрныхъ басурманъ, или же двигаться походомъ за юго-западныя границы казацкихъ поселеній противъ ляховъ. Возбуждая къ походамъ казаковъ, кобзари, несмотря на то, что были лишены зрѣнія, нерѣдко и сами отправлялись въ походъ. Въ походахъ, какъ и въ самой Сѣчи, они были полезными членами казацкаго товарищества. Кромѣ того, что своей игрой они развеселяли казаковъ и, вмѣсто унынія, вызывали въ нихъ духъ бодрости, они нерѣдко исполняли также обязанности военныхъ врачей, такъ какъ, кромѣ неподражаемаго искусства владѣть струнами кобзы, они знали силу и тайны цѣлебныхъ травъ, которыми лѣчили заболѣвшихъ въ пути или раненыхъ во время схватки казаковъ».

Остапъ Микитинъ, или Никитичъ, Вересай, а по уличному прозвищу «Лабза», родился около 1804 года въ селѣ Колюжинцахъ Прилукскаго уѣзда Полтавской губерніи. Отецъ его былъ слѣпой нищій, игралъ на свадьбахъ на скрипкѣ и этимъ зарабатывалъ себѣ пропитаніе. Ослѣпъ Остапъ на четвертомъ году, какъ онъ самъ разсказывалъ, «съ

глазу», т. е. отъ «порчи». Когда мальчику минуло 15 лѣтъ, отецъ его отдалъ въ сосѣднее село Голинки къ другому нищему, Семену Кошевому, «въ науку»—учиться играть на бандурѣ. Затѣмъ Остапъ переходилъ къ другимъ бандуристамъ и скоро превзошелъ ихъ въ искусствѣ, такъ что послѣдній изъ его учителей замѣтилъ ученику, что теперь онъ можетъ еще и другихъ учить. Конечно, денегъ за такую выучку не полагалось, Поэтому учитель, какъ только выучивалъ ученика какой-нибудь думѣ или пѣснѣ, сейчасъ же посылалъ его пѣть по ярмаркамъ, а выручку приказывалъ принести ему цѣликомъ. Между прочимъ, Вересай вспоминаетъ, что ему еще съ дѣтства нравились пѣніе и игра на кобзѣ: поэтому бандуристы, заходившіе въ хату къ его отцу, совѣтовали отдать сына въ ученье.

— Можетъ, изъ тебя кобзарь выйдетъ, —прибавляли они.

Конечно, это была единственная въ то время дорога для слѣпца, такъ какъ къ другой работѣ онъ едва ли былъ способенъ. Учителя нерѣдко его обижали и отбирали у него весь заработокъ, даже тѣ деньги, которыя растроганныя старушки отдавали ему лично. Когда всѣ сроки ученія окончились, то Вересай сталъ самостоятельно ходить съ кобзой по ярмаркамъ и свадьбамъ и пѣть заученныя пѣсни. Подъ старость онъ сознавался, что въ молодости гораздо лучше запоминалъ всякія пѣсни: стоило ему одинъ разъ услышать ее,—а подъ старость память его притупилась.

Черезъ четыре года послѣ окончанія ученія, Вересай задумалъ жениться. Сначала дѣло пошло туго, и онъ сватался къ тремъ казачкамъ. Своихъ невѣстъ онъ увлекалъ игрой. Первая совсѣмъ уже согласилась, и вѣнчаніе даже началось, но во время третьяго вопроса священника о добровольномъ согласіи на бракъ, она отвѣтила отказомъ,—и свадьба разстроилась. Во второй разъ—дѣло было въ Прилукахъ—у него запросили за вѣнчаніе шесть рублей, а такихъ денегъ у бѣднаго кобзаря, конечно, не оказалось. Наконецъ Вересай женился на казацкой дочкѣ и зажилъ семьей. Жилъ онъ очень счастливо почти все время. Черезъ 18 лѣтъ послѣ брака онъ выдалъ свою дочь Мотрю замужъ за одного парня. Съ этого времени начинаются тяжелые годы нашего слѣпого пѣвца. Послѣ смерти жены Остапа, зять его, повѣса и пьяница, обижалъ старика, не велѣлъ Мотрѣ давать отцу ѣсть и т. д. Пробовалъ Остапъ жаловаться помѣщику, но ничего изъ этого не выходило; наоборотъ, ему же доставалось за жалобы, и однажды пьяный зять его высѣкъ.

И вотъ, Вересай на вѣки покинулъ свою родную хату и пошелъ странствовать по свѣту. Всюду его принимали съ радостью, для всѣхъ онъ былъ желаннымъ гостемъ. Въ селѣ Скоринцахъ онъ познакомился съ художникомъ Львомъ Жемчужниковымъ, а затѣмъ—съ извѣстнымъ малорусскимъ ученымъ Кулишомъ, съ которымъ у него началась переписка. Покойный художникъ разсказы-

валъ, что Вересай произвелъ на него сильное впечатлѣніе. Однажды старикъ пѣлъ свой стихъ «О правдѣ». Вересай пѣлъ съ такимъ чувствомъ, что за каждымъ четвертостишіемъ плакалъ надъ своей кобзой, а слушатель плакалъ надъ картиной, которую тогда рисовалъ. Наконецъ, въ томъ же селѣ Вересай женился второй разъ, на вдовѣ, которую онъ зналъ еще задолго до своей первой женитьбы. Въ это же время онъ получилъ отъ помѣщика вольную и снова зажилъ своей хатой, которую выстроилъ своими руками, хотя и былъ слѣпой. Съ тѣхъ поръ онъ пересталъ ходить по ярмаркамъ, несмотря на предложенія и большой заработокъ, который давала ему игра на кобзѣ.

Трудно было бы предположить, что Остапъ пѣлъ только тѣ пѣсни, которыя ему удавалось слышать отъ другихъ кобзарей. Онъ и самъ сочинялъ ихъ и, такимъ образомъ, являлся настоящимъ поэтомъ. «Вересай принадлежитъ къ числу далеко недюжинныхъ дарованій», —писалъ про него А. А. Русовъ въ 1873 году, въ томъ самомъ году, когда нашъ бандуристъ пріѣзжалъ въ Петербургъ.—«Самъ онъ поетъ съ глубокимъ, прочувствованнымъ выраженіемъ и, при исполненіи нѣкоторыхъ мѣстъ изъ своихъ пѣсенъ, иногда заливается слезами. Несмотря на свой старый возрастъ, при исполненіи малорусскаго казачка, онъ пустился однажды въ плясъ, причемъ весь какъ бы дышалъ огнемъ неудержимой страсти. Попавъ въ общество, гдѣ пѣлись малорусскія пѣсни и думки, и прослушавъ

нѣкоторыя съ напряженнымъ вниманіемъ, онъ какъ-то судорожно заплакалъ:

– Свѣтъ мой, свѣтъ! Хоть и не видишь тебя,—какой же ты прекрасный! И помереть никакъ не хочется»...

По словамъ другихъ лицъ, знавшихъ слѣпого кобзаря, Вересай обладалъ необыкновенно богатой памятью. Пріятнымъ старческимъ голосомъ онъ пѣлъ нѣкоторыя изъ своихъ пѣсенъ въ Петербургѣ 28-го октября 1873 года предъ собраніемъ ученыхъ и писателей. Напѣвы его пѣсенъ тогда же записали и, такимъ образомъ, сохранили ихъ потомству, потому что, какъ мы сказали, хорошіе малорусскіе кобзари и лирники теперь совсѣмъ почти перевелись. Онъ зналъ лучшія казацкія «думы» и бытовыя пѣсни, т. е. пѣсни о деревенской жизни. «Лирникъ знаетъ»,—говоритъ А. Грузинскій,—«и народныя пѣсни. Въ хатѣ, передъ собравшимися провести свободное время сосѣдями, онъ споетъ подъ незатѣйливые звуки своего инструмента и рекрутскую пѣсню, причемъ растрогаетъ до слезъ молодую солдатку. Сумѣетъ онъ развеселить смѣшной пѣснью про двухъ неудачниковъ «Хому (т. е. Ѳому) и Ерему», да еще ухитрится между строкой бросить какое-нибудь смѣшное словцо, касающееся одного изъ слушателей. Это словцо немедленно покрывается дружнымъ хохотомъ публики. Такъ богата и разнообразна духовная пища, предлагаемая имъ народу! Что же мудренаго, что лучшіе представители этого люда очень любимы и ува-

жаемы народомъ? А какое значеніе имѣли еще въ недавнемъ прошломъ въ Малороссіи исчезающіе теперь бандуристы и кобзари! Вѣдь они пѣли историческія казацкія «думы», гдѣ глубоко памятныя народу событія казачества, полныя яркихъ чертъ, и скорбныхъ, и величавыхъ, выступаютъ въ прочувственныхъ и художественныхъ образахъ, среди чудной украинской природы, той степи, которую такъ любитъ малороссъ».

И въ самомъ дѣлѣ, кобзарь, несомнѣнно, понимаетъ нравственное, воспитательное значеніе пѣсенъ для своихъ простодушныхъ слушателей. Такъ, Остапъ Вересай говоритъ о себѣ слѣдующее:

— Если гдѣ сынъ пошелъ на службу, или зять вдову бѣдную не уважаетъ,—стоитъ только заиграть имъ про это самое, такъ станутъ они объ этомъ думать всѣ и заплачутъ кругомъ. И сынъ плачетъ, и молодуха, и дѣвица, а больше всего вдова: такъ и зальется....

Казацкія думы очень жалостны и рисуютъ семейную жизнь «по старому», «по-крѣпкому». Напримѣръ, въ думѣ «Смерть трехъ братьевъ у Самары» младшій братъ говоритъ:

Братья мои родненькіе, голубки мои сизенькіе! Не сабля турецкая насъ порубила, не пуля янычарская *) насъ пострѣлила, а отцова-материна

---

*) Янычары—отборное войско турецкаго султана, напоминающее гвардію. Янычарскіе полки состояли обыкновенно изъ христіанъ, которыхъ маленькими дѣтьми брали турки въ видѣ дани отъ завоеванныхъ ими христіанъ и воспитывали въ магометанствѣ.

клятва. Какъ отъѣзжали мы въ войско отъ отца, отъ матери, мы съ ними не прощались, благословенія отъ нихъ не брали. А какъ мимо церкви, дома Божьяго, проѣзжали, мы шапокъ съ головы не снимали, Милосерднаго Бога на помощь не призывали.

Вотъ слушателямъ и понятно, почему за родительскимъ благословеніемъ слѣдуетъ счастье въ жизни, а безъ него бѣда постигнетъ. Такія мысли часто встрѣчаются въ малорусскихъ «думахъ», а потому на слушателей онѣ дѣйствуютъ, какъ доброе наставленіе стараго разсудительнаго человѣка. Нечего послѣ этого говорить, что кобзарь—желанный гость въ деревнѣ, особенно для молодого населенія. «Оно и задумается»,—продолжаетъ тотъ же ученый,—«надъ его пѣсней о славныхъ прошлыхъ дняхъ казачества и уронитъ слезинку объ несчастной дѣвчинѣ или паробкѣ, которымъ не задалась счастливая доля. Оно же и весело спляшетъ «Горлицу» подъ веселую пѣсню дѣда, умѣющаго извлекать и удалые звуки изъ своей кобзы. Встрѣча кобзаря въ селѣ хорошо изображена у малорусскаго поэта Тараса Шевченка въ отрывкѣ стихотворенія «Черница Марьяна». Вообще народная поэзія, разносимая кобзарями, имѣла до послѣдняго времени большое значеніе въ Малороссіи. Самыя лучшія стихотворенія Тараса Шевченка зачастую навѣяны народными пѣснями, и почти всѣ безъ исключенія задуманы и созданы въ народномъ духѣ. И Шевченко—не исключеніе въ данномъ случаѣ.

Достаточно сказать, что великій нашъ художникъ слова, Н. В. Гоголь создалъ всего своего «Тараса Бульбу» изъ малорусскихъ народныхъ пѣсенъ и

Малороссійскій кобзарь.

(Къ стихотворенію Т. Г. Шевченка «Перебенія». Картина И. Ижакевича).

думъ, откуда многія мѣста цѣликомъ перенеслись въ эту повѣсть, составляя въ ней лучшія красоты».

Поетъ старый лирикъ, и передъ слушателями проносятся одна за другой картины былыхъ временъ. Вотъ запорожцы выступаютъ въ походъ. Это—дума о Сагайдачномъ.

На горѣ ли да жнецы жнутъ,
А подъ тою горою,
Да подъ зеленою
Казаки идутъ.
Впереди всѣхъ—вождь похода,
Дорошенко славный,
Казаковъ державный
Воевода.
Въ серединѣ—панъ куренный *);
Конь подъ нимъ ретивый,
Съ чернобурой гривой,
Здоровенный.
А въ хвостѣ—панъ Сагайдачный,
Что отдалъ за трубку
Ясную голубку,
Всеудачный.
«Охъ, вернися, казачина,
Вороти мнѣ трубку,
И возьми голубку,
Молодчина!
Мнѣ съ женою не возиться:
Не по мнѣ голубка,
А въ дорогѣ трубка
Пригодится.»
«Гей, кто въ лѣсѣ?—отзовися!
Было бы огниво—
Трубка вспыхнетъ живо...
Веселися!»

*) Начальникъ «куреня» въ Запорожьѣ, въ родѣ ротнаго командира.

А затѣмъ описываются одна за другой битвы, то съ турками на морѣ, то съ татарами въ степи, то съ поляками у стѣнъ крѣпости. Побѣждаютъ казаки,—и пѣсня слѣпого дѣда становится веселой, а ежели побѣдили ихъ враги,—сжимается дѣдовское сердце, слезы капаютъ изъ очей, и пѣсня заканчивается жалобами на тяжелую казачью долю. Такова, напримѣръ, пѣсня про гетмана Свириговскаго.

Какъ Свириговскаго Ивана,
Запорожскаго гетма̀на,
Бусурмане изловили:
Буйну голову рубили,
Ой, головушку рубили,
На бунчукъ *) ее садили,
Въ трубы мѣдныя трубили,

Издѣвалися, корили.
Туча небо застилала,
Стаей галокъ набѣгала,
На Украйну налегала:
А Украйна горевала,
По гетма̀нѣ тосковала,
Слезы лила, проливала.

Тогда буйны вѣтры во степи завыли:
Куда вы гетма̀на, куда вы дѣвали?
Тогда изъ лѣсовъ соколы налетали:
Ой, гдѣ по гетма̀нѣ, гдѣ вы тосковали?
Тогда въ чистомъ полѣ орлы голосили:
Ой, гдѣ вы гетма̀на, гдѣ схоронили?

*) Бунчуки, это—особыя палки, украшенныя конскими хвостами. Ихъ носили турецкіе военачальники, и означали бунчуки ихъ власть, какъ скипетръ означаетъ власть христіанскихъ государей.

Тогда въ поднебесьи касатки взвивались:
Ой, гдѣ вы съ гетма́номъ, гдѣ вы прощались?—
Лежитъ онъ зарытый въ глубокой могилѣ,
На вражьей границѣ у города Кили *).

Въ другой «думѣ» воспѣвается подвигъ казака Голоты. Гуляетъ Голота по Килійскому полю и не боится онъ ни огня, ни воды, ни болота. Въ городѣ Килія увидалъ его татаринъ и захотѣлъ взять его въ плѣнъ. Татаринъ нарядился въ красивое платье, выѣхалъ противъ казака и говоритъ: «Хочу я тебя живьемъ взять и проводить въ городъ Килію. Хочу похвастаться своей добычей предъ паша́ми **), взять за тебя червонцевъ безъ счету и дорогихъ суконъ безъ мѣры». Отвѣчалъ ему Голота: «Эй ты, сѣдой, бородатый татаринъ! Не богатъ ты, видно, умомъ-разумомъ: еще казака ты въ руки не взялъ, а ужъ деньги за него сосчиталъ! Не бывалъ ты, вѣрно, еще между казаками, не ѣдалъ каши казацкой, не знаешь обычаевъ казацкихъ». И съ этими словами Голота посыпалъ на по́лку своего ружья (кремневаго) пороху безъ мѣры и послалъ гостинецъ въ грудь татарину.

Но не всегда такъ заканчивались столкновенія казаковъ съ басурманами. Нерѣдко попадали они въ плѣнъ къ туркамъ и татарамъ. Ихъ заковывали въ цѣпи, сажали на «галеры,» т. е. на военныя суда, и заставляли грести. Такъ въ неволѣ проводили плѣнники десятки лѣтъ, тоскуя по родной

*) Килія—городъ на Дунаѣ, у впаденія его въ Черное море.
**) Паша́—турецкій военачальникъ, генералъ.

Украинѣ. Къ окнамъ галеры прилетали свободныя птицы, и казаки-плѣнники начинали пѣть. Въ этихъ пѣсняхъ они просили птицъ полетѣть въ ихъ родную сторону, отыскать родную хату, сѣсть на плетень и разсказать отцу да матери, какъ горюютъ въ неволѣ бѣдные плѣнники,—чтобы отецъ съ матерью продали все свое добро и выкупили изъ плѣна казацкія головы. А когда долго не приходилъ выкупъ, казаки рѣшались бѣжать.

Въ одной каменной темницѣ на Черномъ морѣ томилось 700 казаковъ. Тридцать лѣтъ сидѣли они тамъ, свѣта Божьяго не видали, солнца праведнаго не знавали. Въ плѣну у турка, начальника тюрьмы, жила русская плѣнница Маруся Богуславка, т. е. изъ мѣстечка Богуслава. Въ большой праздникъ турокъ-тюремщикъ отправился въ мечеть, т. е. въ магометанскій молитвенный домъ, а ключи отъ тюрьмы оставилъ плѣнницѣ. Какъ только ушелъ онъ, Маруся побѣжала къ темницѣ и выпустила плѣнниковъ. «Казаки, бѣдные невольники,» — со слезами говорила она,—«уходите вы въ христіанскіе города, но прошу васъ, зайдите въ городъ Богуславъ и дайте знать моему отцу да матери. Пусть отецъ мой не продаетъ земли и своего добра, пусть не собираетъ великихъ сокровищъ и не выкупаетъ меня изъ неволи. Я уже потурчилась, обасурманилась»... А освобожденные несчастною плѣнницею казаки пошли изъ неволи къ яснымъ зарямъ, къ тихимъ водамъ, въ край веселый, къ народу крещеному.

Одна изъ красивыхъ казачьихъ «думъ» называется «Побѣгъ трехъ братьевъ изъ Азова».

Надъ городомъ тѣмъ надъ Азовомъ не сини тучи вставали,—
Три брата родные изъ тяжкой неволи бѣжали.
Два ѣдутъ на коняхъ, а третій пѣшкомъ подбѣгаетъ,
О сѣрые корни, о бѣлые камни
Казацкія ноги свои посѣкаетъ
И кровью слѣды поливаетъ,
Двухъ братьевъ своихъ догоняетъ,
Ихъ такъ умоляетъ:
— «Эй, братцы, постойте, коней попасите,
Меня подождите,
Съ собою возьмите,
Къ землямъ христіанскимъ меня подвезите!»
Заслышалъ середній: онъ старшаго брата пытаетъ,
А тотъ ему такъ отвѣчаетъ:
— «Аль злая неволя еще не дала себя знати?
Какъ будемъ мы брата въ степи поджидати,
Насъ будутъ враги догоняти,
Насъ будутъ рубити, стрѣляти:
Иль въ тяжкой неволѣ мы будемъ опять пропадати?»
— «Когда меня, братцы, вы ждать не хотите,—
Сталъ меньшій опять говорити,—
То, братцы, прошу васъ, съ дороги сверните,
Булатныя сабли свои обнажите,
Казацкое тѣло мое изрубите.
Въ голодной степи закопайте—
И звѣрю, и птицѣ въ добычу не дайте!»
Середній словамъ тѣмъ внимаетъ
И меньшому такъ отвѣчаетъ:
— «Мы отроду, братецъ, того не слыхали,
Чтобъ острыя сабли да кровью родной обмывали,
Прощаясь, булатнымъ копьемъ ублажали».

— «Когда меня, братцы, рубить не хотите,
Прошу васъ: какъ будете къ балкамъ степнымъ подходити,
Терновыя вѣтки срубайте—
И въ полы сбирайте,
Примѣтой мнѣ въ поле кидайте».
Вотъ два казака къ буеракамъ степнымъ подъѣзжаютъ:
Середній за саблю—душа милосердіе знаетъ—
Съ терновника верхнія вѣтки срубаетъ
И меньшому брату примѣтой кидаетъ.
Какъ стали на шляхъ *) на Муравскій они выѣзжати—
Середнему нечѣмъ примѣту кидати:
Сталъ изъ подъ жупана **) китайку ***) червонную рвати,
По шляху кидаетъ,
Примѣтой меньшому въ степи оставляетъ.
Какъ сталъ пѣшеходъ изъ терновыхъ кустовъ выходити,
Китайку червонную сталъ находити:
Руками хватаетъ,
Слезами ее обливаетъ:
— «Не даромъ китайка валяется прахомъ по шляху,
Ужъ, можетъ, отъ братьевъ моихъ не осталось и праху,
Ой, можетъ, за ними погоня бѣжала,
На роздыхѣ въ тернахъ меня миновала,
А братьевъ догнала,
Рубила стрѣляла.
Когда бы мнѣ Богъ
Милосердный помогъ
Казацкое тѣло въ степи отыскати,
Въ холодной землѣ закопати!»

---

*) Шляхъ—широкая большая дорога.
**) Казачій кафтанъ въ родѣ зипуна.
***) Тонкая восточная матерія, которой у казака былъ подбитъ жупанъ.

Далѣе въ пѣснѣ говорится о томъ, что изъ всѣхъ несчастій худшимъ оказался вѣтеръ, который сшибалъ съ ногъ усталаго казака. Добрался онъ до высокаго кургана *) и легъ подъ курганъ умирать. Прилетѣли съ сѣвера орлы, чуютъ они добычу-мертвечину и жадно глядятъ въ казацкіе глаза. А казакъ проситъ ихъ не клевать его ясныхъ очей, пока онъ не испуститъ духъ. Наконецъ, умеръ онъ и отдалъ душу Творцу.

Тогда-то орлы налетали,
Изъ черепа очи рвали-вырывали;
Кровавое мясо вкругъ желтыхъ костей обирали:
И сѣрые волки тогда жъ прибѣжали,
Казацкое тѣло терзали,
Въ терновыхъ оврагахъ кровавыя кости глодали,
Ой, жалобно выли надъ нимъ, завывали,
Обрядъ похоронный справляли!
Кукушка изъ темныхъ лѣсовъ прилетала,
Садилась на дерево, слезы лила, куковала,
Что брата сестрица, что первенца мать провожала.
Какъ стали они къ христіанскимъ землямъ приближаться,
То стало на сердцѣ казацкомъ великое горе скопляться.
И молвитъ середній печальное слово:
— «Не даромъ на сердцѣ у насъ столько горя скопилося злого:
Ой, можетъ, ужъ нашего брата нѣтъ больше на свѣтѣ живого.
Ой, какъ-то мы, братъ, къ отцу-матери въ домъ да прибудемъ?

*) Холмъ въ степи, обыкновенно, насыпанной надъ могилами древнихъ кочевниковъ.

Какъ станутъ насъ спрашивать,—что отвѣчать мы имъ
будемъ?»
Братъ старшій словамъ тѣмъ внимаетъ
И брату середнему такъ отвѣчаетъ:
— «Да скажемъ, что горе не вмѣстѣ свое коротали.
Ночною порой изъ неволи бѣжали,
Будили его—не могли добудиться:
Одни должны были домой воротиться».
Середній словамъ тѣмъ внимаетъ
И старшему такъ отвѣчаетъ:
«Когда они правды отъ насъ не узнаютъ,
То насъ ихъ молитвы святыя за-то покаранотъ .
Вотъ старшіе братья къ самарскимъ полямъ подъ-
ѣзжаютъ.
У рѣчки Самары ложатся—въ тѣни отдыхаютъ.
Коней на траву выпускаютъ.
Тогда бусурмане безбожные ихъ окружили,
Тѣхъ братьевъ двоихъ погубили,
Казацкое тѣло въ куски искрошили,
По чистому полю его раскидали,
Со смѣхомъ, на сабляхъ ихъ головы къ небу вздымали.

Много такихъ прекрасныхъ пѣсенъ пѣлъ старый Остапъ Вересай, и ученые записали ихъ отъ него. И теперь, спустя много лѣтъ послѣ смерти Вересая, эти пѣсни мы можемъ читать, а, читая ихъ, мысленно переноситься къ стародавнимъ казацкимъ временамъ—и узнавать изъ нихъ славное прошлое родного народа.

Осипъ Аѳанасьевичъ Петровъ,

пѣвецъ (1807—1878).

«Нѣтъ такихъ преградъ, которыя могли бы сказать таланту и трудолюбію:
— Ни шагу дальше!»

Людвигъ Бетховенъ.

Сто лѣтъ тому назадъ, городъ Елисаветградъ, Херсонской губерніи, почти не отличался отъ большой деревни. Длинныя, пыльныя улицы, обсаженныя по бокамъ тощими деревьями, были тихи и пустынны. Днемъ нестерпимая жара не позволяла выходить на палящее солнце, и городъ немного оживлялся только къ вечеру. У воротъ собирались кучки молодежи, слышался веселый смѣхъ, шутки, иногда устраивались разныя игры. Но на югѣ сумерки наступаютъ очень быстро, и вечерніе часы досуга скоро проходили. Темная южная ночь такъ же быстро исчезала, какъ и приходила. И снова начинался томительный день тяжелаго, упорнаго труда.

Однажды около небольшой бакалейной лавочки мелкаго торговца Петрова, гдѣ постоянно толпились то покупатели, то просто пришедшіе поболтать сосѣди,—было замѣтно какое-то особое ожив-

Осипъ Аѳанасьевичъ Петровъ.

пѣвецъ (1807—1878).

леніе. Нѣсколько крестьянъ, пріѣзжавшихъ изъ деревни за разными покупками, прислушивались къ крикамъ и угрозамъ, что̀ неслись изъ деревяннаго домика, гдѣ помѣщалась бакалейная лавка.

— Слышь, Наумъ Иванычъ, опять, вѣрно, набѣдокурилъ мальчишка Аѳанасія-то,—говорилъ высокій худощавый крестьянинъ, съ нависшими сѣдыми бровями, длинной бѣлой бородой и добрыми живыми глазами, обращаясь къ маленькому мужиченку, возившемуся съ ведромъ воды около своей заморенной и худой бѣлой лошади.

Изъ домика послышался крикъ еще сильнѣе: гнѣвный голосъ угрожалъ кому-то, затѣмъ вдругъ раздался трескъ, и что-то жалобно прозвенѣло.

— Опять, должно быть, гитару разбилъ,—отвѣчалъ Наумъ, напоивъ лошадь и прислушиваясь къ происходившему въ домѣ.—Да и за дѣло: нечего давать баловаться мальчишкѣ. Сегодня ни свѣтъ, ни заря, опять убѣжалъ въ лѣсъ, дома-то не даютъ ему бренчать на струнахъ. И что толку въ этой гитарѣ? Это господское дѣло, а нашему брату, мужику, не приходится не въ свои сани садиться.

— Тутъ лавка, дѣло торговое, къ нему и надо пріучать Осипа,—продолжалъ второй изъ мужиковъ.—Дѣло вѣрное. А онъ вотъ избалуется со своими дудками да гитарами... Нѣтъ, надо, надо поучить его, чтобы дѣломъ занимался...

Другіе мужики, толкавшіеся около лавки, одобрительно проговорили:

— Это ужъ вѣрно, не дѣло дѣлаетъ Осипъ... Привязался къ господскимъ затѣямъ... Поучить его слѣдуетъ маленько!...

Но сѣдой крестьянинъ неодобрительно покачалъ головой:

- А, можетъ, Богъ ему дарованіе такое далъ,— сказалъ онъ...—Небось, всякій слыхалъ, какъ онъ на клиросѣ за обѣдней... Нѣтъ, бить Осипа не годится. Значитъ, любовь у него такая вложена, способность. Всякій долженъ свое дѣлать. Одному Богъ далъ одинъ талантъ, другому два, а третьему цѣлыхъ пять. Какъ можно зарывать ихъ въ землю!

Въ это время изъ лавочки вышелъ суровый и разсерженный хозяинъ. Съ нимъ сейчасъ же заговорили:

— Что́, опять племянника училъ?

- Да, ужъ чистое наказаніе Господне: упрямый мальчишка!—отвѣчалъ тотъ. -Сколько разъ я ломалъ его гитары—ему все нипочемъ! Избаловался, пропадетъ ни за́ что...

Старикъ-крестьянинъ, заступавшійся за Осипа, уже сидѣлъ на телѣгѣ и трогалъ возжами. На прощанье онъ крикнулъ:

— Не бей ты, дядя, Осипа!.. Говорю тебѣ, можетъ, у Осипа дарованіе такое. Пусть онъ дѣлаетъ то, къ чему лежитъ у него сердце. И выйдетъ онъ въ хорошіе люди. Будетъ большимъ человѣкомъ...

Крестьянинъ уѣхалъ; разбрелись и остальные.

Хозяинъ лавочки снова ушелъ въ домъ, тяжело вздохнувъ при мысли о непутевомъ, упрямомъ мальчишкѣ. Этотъ «непутевый», «упрямый мальчишка» Осипъ, у котораго старались выбить дурь изъ головы,—былъ впослѣдствіи знаменитый русскій пѣвецъ Осипъ Аѳанасьевичъ Петровъ.

Приведенная картина часто повторялась въ дѣтствѣ Петрова, когда ему пришлось жить съ матерью у дяди. Осипъ Аѳанасьевичъ родился здѣсь же, въ Елисаветградѣ, 3-го ноября 1807 года. Вскорѣ послѣ его рожденія, его отецъ, тоже имѣвшій небольшую лавочку, умеръ. У матери Петрова не осталось почти никакого хозяйства, и она должна была перейти жить къ брату покойнаго мужа. Дядя Осипа былъ нрава суроваго и любовь мальчика къ пѣнію называлъ баловствомъ. Часто онъ даже билъ мальчика. У Осипа была гитара, на которой онъ научился играть по слуху, и хорошій голосъ. Вся «вина» его только въ томъ и состояла. Однажды дядя такъ разсердился на племянника, что вырвалъ у него гитару и разбилъ ее объ его голову. И Осипъ нерѣдко убѣгалъ въ лѣсъ или поле и долго тамъ оставался, боясь вернуться домой.

Разъ въ домикъ Петровыхъ зашелъ одинъ капельмейстеръ, учившій солдатъ музыкѣ и управлявшій военнымъ оркестромъ. Онъ замѣтилъ, какъ ярко загорѣлись глаза Осипа, съ какою горячею любовью слушаетъ мальчикъ разговоры о музыкѣ. Онъ полюбилъ Осипа и сталъ его учить играть

на разныхъ музыкальныхъ инструментахъ. Съ тѣхъ поръ Петровъ только и думалъ о музыкѣ и цѣлыми днями напролетъ усердно учился у военнаго музыканта. Его завѣтнымъ желаніемъ стало непремѣнно попасть въ театръ.

Скоро онъ добился своей цѣли.

Въ Елисаветградѣ пріѣзжіе актеры давали однажды представленіе. Въ то время Петрову было девятнадцать лѣтъ. Съ большимъ трудомъ пробрался онъ въ театръ и отъ радости былъ внѣ себя. Отъ невиданнаго имъ никогда зрѣлища у него даже голова закружилась. На другой же день Петровъ познакомился съ хозяиномъ театра, Жураховскимъ. Послѣдній сразу замѣтилъ горячую любовь Петрова къ музыкѣ и принялъ его къ себѣ въ театръ. Первое представленіе, въ которомъ пѣлъ Петровъ, называлось «Казакъ-стихотворецъ». Это было въ 1826 году.

Теперь Петровъ понялъ, что нашелъ свою настоящую дорогу. Онъ хотѣлъ быть только пѣвцомъ, и больше никѣмъ. Но много еще невзгодъ пришлось ему пережить. Долго странствовалъ онъ по разнымъ городамъ, былъ въ Харьковѣ, Николаевѣ, Одессѣ. Часто у него не было иного имущества, кромѣ платья на плечахъ, и рѣдкій день ему удавалось не быть голоднымъ. Но Петровъ не унывалъ. Онъ все продолжалъ учиться пѣнію у всѣхъ музыкантовъ, которые могли ему помочь. Онъ бодро переносилъ и голодъ, и холодъ, никогда не унывалъ, твердо надѣясь упорнымъ тру-

домъ побѣдить всѣ препятствія. Поэтому своей судьбой Петровъ великолѣпно оправдалъ приведенныя передъ нашимъ разсказомъ слова величайшаго музыканта-композитора *) минувшаго столѣтія, Л. Бетховена.

Скоро онъ увидѣлъ на дѣлѣ, что его труды не пропали даромъ.

Онъ горячо стремился попасть въ Петербургъ, чтобы пѣть въ Петербургскомъ Императорскомъ театрѣ, и только послѣ продожительныхъ трудовъ и лишеній удалось ему этого достигнуть. Однажды Петровъ пѣлъ въ Курскѣ. Въ это же время въ Курскъ пріѣхалъ одинъ изъ начальниковъ петербургскихъ театровъ, Лебедевъ. Онъ хотѣлъ набрать въ разныхъ городахъ Россіи хорошихъ русскихъ пѣвцовъ для Петербурга и замѣнить ими итальянскихъ пѣвцовъ, которымъ до тѣхъ поръ платили большія деньги. Лебедевъ услышалъ пѣніе Петрова и сейчасъ же понялъ, что это—замѣчательный пѣвецъ. Давнишнее желаніе Петрова, такимъ образомъ, исполнилось: перваго августа 1830 года онъ былъ принятъ артистомъ-пѣвцомъ Императорскихъ театровъ. Въ Петербургѣ, тѣмъ не менѣе, Петровъ чувствовалъ, что ему надо совершенствоваться, и сталъ учиться музыкѣ у итальянца Кавоса. Съ этихъ поръ нужда и лишенія кончились для него. Упорнымъ, постояннымъ трудомъ онъ добился своей цѣли.

---

*) Композиторъ—сочинитель музыкальныхъ произведеній какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ.

Петровъ пѣлъ сначала въ иностранныхъ операхъ *), которыя были сочинены французами, итальянцами или нѣмцами. Это объясняется тѣмъ, что, когда Петровъ сталъ пѣть въ петербугскомъ театрѣ, русской оперной музыки, можно сказать, не существовало. Не было еще такого человѣка въ Россіи, который сумѣлъ бы создать хорошее русское музыкальное произведеніе. Если кто и сочинялъ русскія музыкальныя произведенія, то очень плохо. У другихъ же народовъ—нѣмцевъ, французовъ и итальянцевъ—музыкой занимались уже давно, и она стояла у нихъ на необыкновенной высотѣ. Вотъ почему для итальянцевъ былъ въ Петербургѣ даже выстроенъ особый театръ.

Прошло шесть лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Петровъ пріѣхалъ въ Петербургъ. И вотъ, въ 1836 году происходитъ памятное для русскаго опернаго искусства событіе. Самый знаменитый нашъ музыкантъ и композиторъ Михаилъ Ивановичъ Глинка, благодаря великому дарованію, создалъ настоящую русскую оперную музыку, и у русскихъ, какъ и у всѣхъ народовъ, стала своя, родная, русская оперная музыка. Начало русской оперной музыки считается съ тѣхъ поръ, какъ М. И. Глинка сочинилъ оперу «Жизнь за Царя», которую долженъ знать каждый русскій, такъ какъ въ ней представляется историческое событіе, не-

*) Оперой называется такое театральное представленіе, въ которомъ артисты всѣ рѣчи и слова не произносятъ, а поютъ.

обыкновенно важное для нашей родины. Первый разъ «Жизнь за Царя» была представлена въ Петербургѣ 27 ноября 1836 года. Петровъ исполнялъ въ этой оперѣ роль *) Ивана Сусанина.

Кто же такой былъ Иванъ Сусанинъ, и какой подвигъ онъ совершилъ? Вспомнимъ это великое событіе изъ прошлой русской жизни, какъ оно изображено въ оперѣ «Жизнь за Царя».

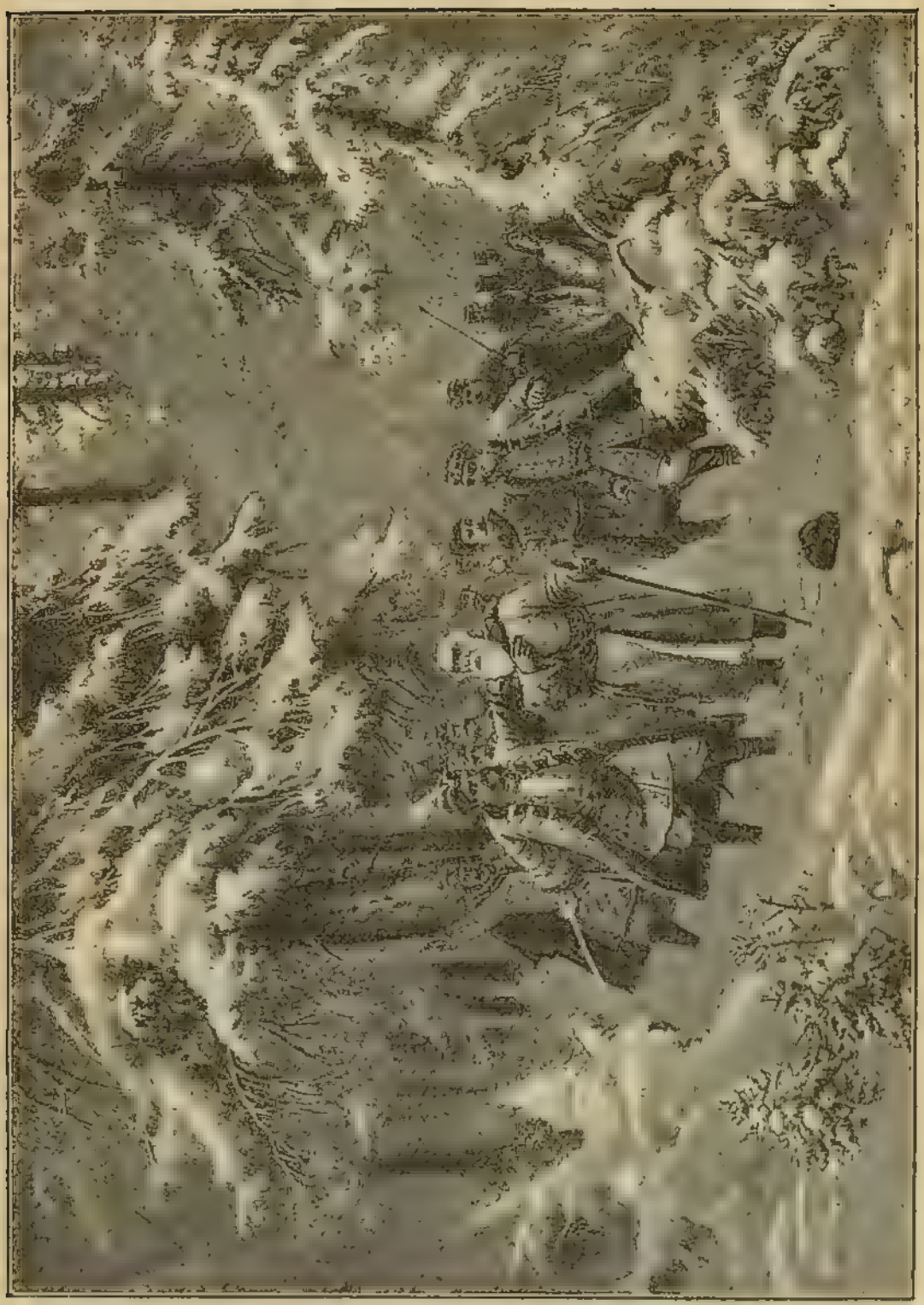
Около трехсотъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Сусанинъ совершилъ свой подвигъ. Въ 1598 году умеръ Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ. Смутныя, страшныя времена, годы тяжкой скорби пришли въ ту пору для всей земли Русской. Новый Царь Борисъ Годуновъ скоро умеръ. Наступили разныя бѣдствія. Крестьяне погибали съ голода, такъ какъ стоялъ большой неурожай. Объявилось нѣсколько самозванцевъ, которые называли себя царями. Польскій король пошелъ войною противъ русскихъ, требуя, чтобы они признали его своимъ русскимъ царемъ. Разорены и ограблены были тогда многіе русскіе города, многочисленныя шайки разбойниковъ вездѣ грабили и убивали беззащитныхъ русскихъ людей. Такъ продолжалось болѣе десяти лѣтъ! Но вотъ, наступилъ 1613 годъ, и смутнымъ временамъ пришелъ конецъ. Собрались лучшіе люди со всѣхъ концовъ необъятной Руси и выбрали Царемъ Михаила Ѳеодоровича Романова. Узнали про это

---

*) «Исполнять роль», или «играть роль», значитъ представлять въ театрѣ другого какого-либо человѣка, напримѣръ, царя, полководца, воина, гражданина, крестьянина.

поляки и вздумали погубить Царя. Шумной толпой вваливаются вооруженные съ ногъ до головы поляки въ избу крестьянина Ивана Сусанина. Грозно требуютъ они отъ Сусанина, чтобы онъ указалъ имъ дорогу въ Ипатьевскій монастырь близъ Костромы, гдѣ проживалъ молодой новоизбранный Царь. Сразу понялъ Сусанинъ злой умыслъ враговъ, понялъ, что они хотятъ погубить Михаила Ѳеодоровича. Притворно онъ согласился указать полякамъ дорогу, а самъ послалъ своего пріемнаго сына Ваню въ обитель, чтобы предупредить Царя о бѣдѣ. Ваня хорошо сдѣлалъ свое дѣло. А Сусанинъ завелъ поляковъ въ страшную, дикую чащу глухого лѣса. Вечеръ и всю ночь до утра водилъ онъ ихъ туда и сюда, чтобы подальше уйти отъ дороги. Наконецъ, почуяли поляки, что дѣло неладно. «Куда ты завелъ насъ, Сусанинъ?» грозно кричатъ ему они. Сусанинъ отвѣчаетъ, что никогда русскій человѣкъ не выдастъ своего царя. «Страха не страшуся, смерти не боюся!»—говоритъ онъ. Обманутые поляки изрубили саблями Ивана Сусанина, но и сами, до одного всѣ, погибли отъ холода, голода и отъ односельчанъ Сусанина, настигшихъ злодѣевъ въ дремучемъ лѣсу. Такъ достославно Иванъ Сусанинъ жизнь свою положилъ за Царя! Вотъ какъ изобразилъ этотъ же подвигъ русскаго крестьянина нашъ поэтъ-крестьянинъ Иванъ Захаровичъ Суриковъ.

«Куда ты ведешь насъ? Не видно ни зги!—
Сусанину съ сердцемъ вскричали враги;



Смерть Ивана Сусанина.

«Мы вязнемъ и тонемъ въ сугробинахъ снѣга,
Знать, намъ не добраться съ тобой до ночлега.
Ты сбился, братъ, вѣрно, нарочно съ пути,
Но тѣмъ Михаила тебѣ не спасти!
Пусть мы заблудились, пусть вьюга бушуетъ,
Но смерти отъ ляховъ *) вашъ Царь не минуетъ!
Веди жъ насъ—такъ будетъ тебѣ за труды;
Иль бойся—не долго у насъ до бѣды!»
Пошли.... Не шелохнутся дубъ и береза:
Лишь снѣгъ подъ ногами скрипитъ отъ мороза,
И дятелъ дуплистую иву долбитъ...
Все глуше и чаще становится лѣсъ,—
И вдругъ пропадаетъ тропинка предъ ними:
И частыя ели, вѣтвями густыми
Склонившись угрюмо до самой земли,
Высокую стѣну изъ сучьевъ сплели.
«Куда ты завелъ насъ?»—ляхъ старый вскричалъ
— «Туда, куда нужно!»—Сусанинъ сказалъ.
«Убейте, замучьте—моя здѣсь могила!
Но знайте и рвитесь,—я спасъ Михаила!
Предателя мнили найти вы во мнѣ:
Ихъ нѣтъ и не будетъ на Русской Землѣ!
Въ ней каждый Отчизну съ младенчества любитъ
И душу измѣной свою не погубитъ!»
— «Злодѣй!»—прокричали враги, закипѣвъ,—
«Умрешь подъ мечами!»—«Не страшенъ вашъ гнѣвъ!
Кто русскій по сердцу, тотъ бодро и смѣло,
И радостно гибнетъ за правое дѣло!
Ни казни, ни смерти и я не боюсь:
Не дрогнувъ умру за Царя и за Русь!»
— «Умри же!»—поляки герою вскричали,
И сабли надъ старцемъ, свистя, засверкали.
— «Погибни, предатель, конецъ твой насталъ!»

*) Ляхъ—полякъ.

И твердый Сусанинъ весь въ ранахъ упалъ.
Снѣгъ чистый чистѣйшая кровь обагрила:
Она для Россіи спасла Михаила.

О. А. Петровъ въ роли Ивана Сусанина,
въ оперѣ «Жизнь за Царя».

О. А. Петровъ такъ хорошо изображалъ Ивана Сусанина, что многіе зрители плакали. Смѣлый, самоотверженный, могучій Сусанинъ, словно живой, стоялъ передъ глазами зрителей.

Въ этой же операѣ играла роль Вани молодая, даровитая дѣвушка, Анна Яковлевна Воробьева. Впослѣдствіи О. А. Петровъ женился на ней. Оба они справедливо считались самыми лучшими русскими пѣвцами своего времени.

Ровно шесть лѣтъ спустя послѣ перваго представленія «Жизни за Царя», 27 ноября 1842 года была представлена новая опера М. И. Глинки—«Русланъ и Людмила»—изъ древне-русской жизни. Осипъ Аѳанасьевичъ Петровъ и его жена Анна Яковлевна были здѣсь главными пѣвцами, которыхъ еще никто не превзошелъ. Послѣ «Жизни за Царя» и «Руслана и Людмилы», Петровъ пѣлъ во всѣхъ операхъ, которыя только появлялись. Нельзя говорить о развитіи русской оперной музыки, не зная о Петровѣ, потому что послѣ него новыя русскія оперы, вся новая русская оперная музыка стала нравиться всѣмъ. Мало написать оперу: нужно еще, чтобы были хорошіе пѣвцы, которые сумѣли бы представить ее съ пониманіемъ и любовью. Петровъ и былъ умѣлымъ и даровитымъ пѣвцомъ, а благодаря его пѣнію, русскія оперы стали представляться чаще, чѣмъ оперы, сочиненныя французами и итальянцами, позднѣе же онѣ стали даваться и за-границей. Послѣ Глинки, русскую оперную музыку лучше всѣхъ стали разрабатывать Даргомыжскій, Сѣровъ, Чайковскій, затѣмъ Мусоргскій. Одна изъ лучшихъ оперъ Даргомыжскаго—«Русалка», а лучшее оперное произведеніе Сѣрова—«Рогнѣда». Въ «Русалкѣ» и многихъ дру-

гихъ операхъ Осипъ Аѳанасьевичъ Петровъ былъ главнымъ пѣвцомъ и своимъ пѣніемъ много способствовалъ ихъ успѣху. Главная и неоспоримая заслуга его состоитъ въ томъ, что онъ создалъ впервые роли главныхъ дѣйствующихъ лицъ, напр. Мельника въ «Русалкѣ», Сусанина въ «Жизни за Царя», Фарлафа въ «Русланѣ и Людмилѣ» и другія. Послѣдующіе пѣвцы долго еще только подражали ему, старались идти по его стопамъ на сценѣ.

Долголѣтніе труды Осипа Аѳанасьевича Петрова были оцѣнены всей Россіей. 21 апрѣля 1876 года въ Маріинскомъ театрѣ въ Петербургѣ собралась тысячная толпа, чтобы привѣтствовать знаменитаго русскаго пѣвца. Въ этотъ день исполнилось пятьдесятъ лѣтъ, какъ Петровъ сдѣлался пѣвцомъ. Добрыя пожеланія Петрову были присланы со всѣхъ концовъ Россіи. Самъ Государь Императоръ Александръ Николаевичъ пожаловалъ ему для ношенія на шеѣ большую золотую медаль на андреевской лентѣ, осыпанную брилліантами. Братъ Царя-Освободителя, великій князь Константинъ Николаевичъ выразилъ пѣвцу свое благоволеніе въ милостивыхъ словахъ. Кромѣ того, цѣнители рѣдкаго дарованія Петрова подарили ему золотой вѣнокъ съ бриллiантами. Въ вѣнкѣ было сто листьевъ, и на каждомъ листѣ сдѣлана надпись—названія ста оперъ, въ которыхъ онъ пѣлъ.

По окончаніи торжества, зрители выпрягли лошадей изъ кареты и на рукахъ принесли Петрова домой. По пути стояли толпы и восторженно по-

здравляли его. Домъ, гдѣ жилъ Петровъ, тоже былъ весь украшенъ. Такого блестящаго торжества не было устроено у насъ еще ни одному пѣвцу, кромѣ Осипа Аѳанасьевича Петрова.

Умеръ Петровъ 27 февраля 1878 года, въ преклонномъ возрастѣ, и, послѣ него, кто изъ пѣвцовъ желалъ добиться славы, долженъ былъ подражать ему. Въ этомъ смыслѣ онъ по праву считается учителемъ многихъ изъ современныхъ намъ оперныхъ русскихъ пѣвцовъ.

Иванъ Трофимовичъ Рябининъ,

сказитель былинъ (род. въ 1844 году).

Иванъ Трофимовичъ Рябининъ,

сказитель былинъ (род. въ 1844 году).

Хороша ты, пѣсня русская,
Пѣсня звонкая, раздольная,
Многозвучная, веселая,
Словно вѣтеръ,—пѣсня вольная!

Гдѣ ты, пѣснь, не разливалася,
Кто не пѣлъ тебя, широкую,
Пѣсню русскую—красавицу,
Пѣснь веселую—глубокую?

Ты гремѣла за предѣлами
Нашей Руси, пѣсня нѣжная,
Наша гордость, пѣсня русская,
Наша слава, безмятежная.

Всѣхъ глубоко ты затронула,
Беззаботная, веселая,
Весела порой, какъ майскій день,
А порой, какъ грусть, тяжелая.

М. Л. Леонова.

Въ своихъ звонкихъ и раздольныхъ пѣсняхъ русскій народъ поетъ обо всемъ, что̀ было ему дорого и близко, что̀ запало ему въ душу и стало памятнымъ. Тѣ пѣсни, въ которыхъ рѣчь идетъ о настоящемъ или происшедшемъ очень недавно, много хуже, чѣмъ тѣ, въ которыхъ говорится о быломъ, о прошломъ. Послѣднія пѣсни называются обыкновенно «былинами», и составлены онѣ очень красиво и занятно. Объ этихъ пѣсняхъ, а также—объ одномъ изъ лучшихъ пѣвцовъ ихъ, Иванѣ Трофимовичѣ Рябининѣ, мы теперь и разскажемъ.

Въ сѣдой, туманной древности, много вѣковъ тому назадъ, русскій народъ не составлялъ еще одного могучаго государства подъ властью Вели-

каго Бѣлаго Царя. Онъ дѣлился тогда на нѣсколько племенъ, и управляли ими отдѣльные князья. У каждаго князя были богатыри-дружинники, съ которыми онъ оборонялъ свои владѣнія отъ недруговъ, совершалъ походы, завоевывалъ чужія земли, а въ мирное время веселился съ ними, садился «за пированье—почѐстенъ столъ». Многіе изъ такихъ князей и дружинниковъ совершали удивительные подвиги, и слава о нихъ разливалась по всему лицу земли русской. Русскій народъ увѣковѣчилъ эти подвиги, запечатлѣвъ ихъ въ своихъ пѣсняхъ-«былинахъ», воспѣвши то, что̀ дѣйствительно было.

Эти пѣсни-былины сначала создавались и распѣвались въ Кіевской Руси: но затѣмъ, когда Кіевъ, мать городовъ русскихъ, уступилъ свое первенство бѣлокаменной Москвѣ-златоглавой, когда Кіевская Русь превратилась въ Русь Московскую, соединившую подъ властью одного Царя весь русскій народъ,—эти пѣсни-былины стали мало по малу забываться, вытѣсняться новыми пѣснями о новыхъ людяхъ. Наконецъ, когда столицей Русскаго Государства сталъ Петербургъ, когда со времени Петра Великаго русскіе государи стали заботиться о западно-европейскомъ просвѣщеніи народа, о развитіи ремеслъ и промышленности, тогда старинныя кіевскія пѣсни-былины мало-по-малу забылись и почти совершенно исчезли. Таковъ ужъ удѣлъ многаго изъ того, что̀ въ старинѣ каждаго народа было хорошаго и дурного. Какъ древняя русская пляска замѣнилась новомодными танцами,

«Богатыри на распутьи»—Добрыня Никитичъ, Илья Муромецъ, Алеша Поповичъ.

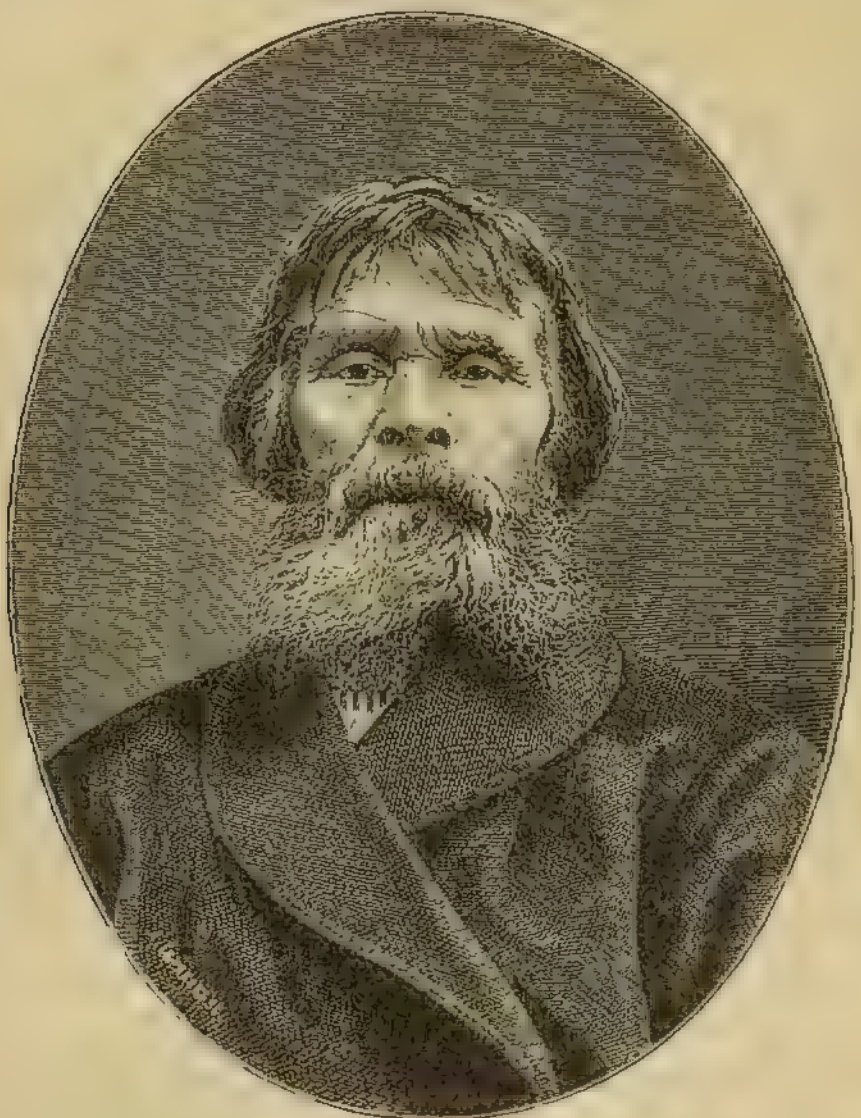
Картина В. М. Васнецова.

такъ и эти былины смѣнились стихотвореніями, которыя народъ узналъ въ школахъ и находилъ въ книгахъ, или «частушками» и другими пѣснями, которыя онъ слышалъ на фабрикахъ, заводахъ, въ театрахъ, въ трактирахъ и т. д.

Но не вездѣ было такъ: не вездѣ старина вытѣснялась разными новшествами. На необъятномъ просторѣ Россіи сохранились уголки, гдѣ не совсѣмъ забыта старина даже въ наше время. Однимъ изъ такихъ уголковъ является Олонецкій край. Здѣсь мало школъ, мало фабрикъ и заводовъ, особенно на Водлозерѣ и Конозерѣ. Здѣсь населеніе круглый годъ живетъ въ своей глуши, отрѣзанное отъ остальной Россіи непроѣзжими дорогами да топкими болотами. Здѣсь-то и сохранились древнія кіевскія былины, и сохранились онѣ подъ названіемъ «стари́нокъ». Ихъ здѣсь распѣваютъ въ избушкахъ въ долгіе зимніе вечера, или на плотахъ и въ лѣсахъ въ свѣтлыя лѣтнія ночи. Ихъ поютъ здѣсь главнымъ образомъ мужчины, иногда—женщины, а пѣвцовъ называютъ «сказителями» или «старинщиками».

Когда объ этомъ узнали ученые, жившіе въ Петербургѣ, то въ Олонецкій край стали пріѣзжать они, одинъ за другимъ, слушали сказителей и записывали ихъ стари́нки, а затѣмъ и многіе изъ сказителей стали ѣздить въ большіе города и распѣвать свои былины передъ публикой. Благодаря своему умѣнію пѣть и огромной памяти, многіе сказители сдѣлались очень извѣстны. Среди нихъ особенно

замѣчателенъ Иванъ Трофимовичъ Рябининъ. Онъ родился въ семьѣ крестьянина деревни Середки, Петрозаводскаго уѣзда Олонецкой губерніи, въ 1844 го-



Трофимъ Григорьевичъ Рябининъ, отецъ Ивана Рябинина.

ду. Отецъ его Трофимъ Григорьевичъ, умершій въ 1885 году 94-лѣтнимъ старикомъ, былъ также знаменитымъ сказителемъ. Его, какъ сироту, воспиталъ міръ, и съ малыхъ лѣтъ Трофимъ путе-

шествовалъ по окрестнымъ деревнямъ, чиня сѣти, ловушки и прочіе рыболовные снаряды. Во время этихъ занятій онъ и научился пѣнію былинъ. Первымъ учителемъ его былъ товарищъ по ремеслу, Илья Елустафьевъ, умершій лѣтъ 60 тому назадъ. Отъ Ильи онъ узналъ, или «понялъ», какъ самъ выражался, былины про Илью Муромца, про Калина царя, также про Молодца и худую жену. Другимъ былинамъ Трофимъ Григорьевичъ научился у крестьянъ Кокойкина и Завьялова и особенно у Игнатія Ивановича Андреева. У послѣдняго—въ 1812 году, столь памятномъ для русскихъ, когда на нихъ шелъ французскій императоръ Наполеонъ, Рябининъ-отецъ жилъ въ работникахъ.

Отъ своего отца Иванъ Трофимовичъ и узналъ большую часть тѣхъ былинъ, которыя помнитъ до сихъ поръ. Отъ отца онъ узналъ ихъ потому, что прожилъ съ нимъ не только дѣтскіе и юношескіе годы, но и много лѣтъ послѣ того, какъ женился. Лишь по смерти жены, спустя нѣсколько времени, когда Иванъ Трофимовичъ женился во второй разъ, на вдовѣ Андреевой, крестьянкѣ сосѣдней деревни Гарницы,—онъ поселился въ ея семьѣ. Семья Ивана Трофимовича состояла изъ жены, пасынка Ивана да двухъ родныхъ сыновей: Василія и Павла. Можно думать, что изъ всѣхъ ихъ, особенно изъ Ивана, также выйдутъ хорошіе сказители. Часто, въ зимніе вечера или за общей работой, когда Иванъ Трофимовичъ начнетъ «отмахивать» старинки, за отцомъ обыкновенно «тянутъ по маненьку» и его сыновья.

Въ школѣ Рябининъ не учился, грамотѣ не знаетъ и обладаетъ удивительной памятью. Иванъ Трофимовичъ знаетъ наизусть до 6.000 стиховъ, то есть гораздо больше, чѣмъ другіе сказители или его отецъ. Это очень много значитъ, такъ какъ изъ олончанъ почти каждый знаетъ хоть нѣсколько старинокъ или, по крайней мѣрѣ, хоть одну; значитъ, выдаваться среди нихъ можетъ лишь тотъ, кто, дѣйствительно, знаетъ много и умѣетъ хорошо ихъ «сказывать» (про былины они никогда не говорятъ «пѣть» или какъ нибудь иначе). Поэтому Рябининъ пользуется большимъ почетомъ и извѣстностью на своей родинѣ.

Какъ и нѣкоторые другіе сказители, Рябининъ пріѣзжалъ пѣть старинки въ Москву и Петербургъ, гдѣ пробылъ около двухъ лѣтъ, въ 1892 и 1893 годахъ. Въ Москвѣ онъ часто пѣлъ въ учебныхъ заведеніяхъ. Для этого устраивалось возвышеніе въ большой комнатѣ, на возвышеніе ставили стулъ съ графиномъ кваса. Рябининъ садился на возвышеніе, а кругомъ размѣщались учителя съ семьями и ученики, и тогда онъ начиналъ свой «сказъ» любимыхъ былинъ про Вольгу и Микулу, про Добрыню и змѣя, про Илью Муромца и другихъ. Когда онъ оканчивалъ пѣніе, его окружали и закидывали вопросами:

— Иванъ Трофимовичъ, любишь ли ты свои старинки?—спрашивалъ его малышъ-ученикъ.

— Не любилъ бы, не пѣлъ бы,—кратко отвѣчалъ Рябининъ.

— И ты вѣришь, что все это, что̀ въ былинахъ поется,—правда?—замѣчалъ другой.

— Знамо дѣло—правда. А то какая же потреба и пѣть ихъ?—отвѣчалъ онъ и пояснялъ:—въ тѣ то времена, поди, чего не было!

Часто ученики приставали къ Рябинину съ просьбами:

— Иванъ Трофимовичъ, научи меня пѣть былины.

— Ну, что же, заводи... Какъ я гдѣ пѣть буду, ты, значитъ, и примѣчай... Про Илью ли, аль про Вольгу и Микулу... А не то, споетъ тебѣ Иванъ Трофимовичъ про Добрыню Микитича, тоже хорошая былинка... А ты примѣчай, ну, и поймешь...

— Гдѣ ему понять? Это трудно,—раздаются кругомъ голоса.

— Извѣстно, ваше дѣло—господское, наше—крестьянское,—со смиреніемъ отвѣчалъ Рябининъ.

Къ своему занятію и къ самымъ былинамъ Рябининъ относится очень серьезно и бережно. Онъ полагаетъ, что изъ былины нельзя выкинуть ни слова, нельзя ничего вставить въ нее, ничего измѣнить, а нужно пѣть ихъ такъ, каковы онѣ есть. И когда его просили что-нибудь выкинуть, пропустить, онъ говорилъ:

— Какъ же такъ? Мнѣ такъ пѣть, къ примѣру сказать, совсѣмъ необычно. Какъ же это будетъ? Спою я вамъ начало старинки, вы и скажете — остановиться, а можетъ, лучшія-то слова какъ разъ у конца сказываются.

Таково отношеніе къ былинамъ и у всѣхъ сказителей. Благодаря этому, былины и дошли до нашего времени почти неизмѣненными, или же съ самыми незначительными измѣненіями. Такъ сохраняются онѣ съ тѣхъ поръ, какъ были сложены въ Кіевской Руси. Это для насъ очень важно, такъ какъ, благодаря сохранности и неизмѣнности былинъ, мы можемъ узнать изъ нихъ, что̀ думали и чувствовали наши отдаленные предки.

Кромѣ учебныхъ заведеній, Иванъ Трофимовичъ пѣлъ и въ частныхъ домахъ, а однажды удостоился пѣть даже въ Зимнемъ дворцѣ въ Петербургѣ. Передъ лицомъ Государя Императора и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны съ Августѣйшими Дѣтьми Великими Княжнами Ольгой и Татьяной Николаевнами, а также Великаго Князя Андрея Владиміровича, Рябининъ имѣлъ счастье пѣть былины «Илья и Соловей разбойникъ» и «Микула и Вольга». Передъ пѣніемъ Государь Императоръ разспрашивалъ Рябинина, откуда онъ родомъ и какъ научился пѣть, а по окончаніи «сказа» освѣдомился, куда онъ думаетъ теперь ѣхать, и пожелалъ ему успѣха въ предстоящей поѣздкѣ. Затѣмъ ему были пожалованы за пѣніе большая золотая медаль съ надписью «за усердіе» на станиславской лентѣ, для ношенія на шеѣ, и золотые часы; на верхней крышкѣ часовъ вырѣзанъ государственный гербъ, а при часахъ—золотая цѣпь.

За свое пѣніе въ учебныхъ заведеніяхъ, публич-

ныхъ собраніяхъ и частныхъ домахъ Рябининъ получалъ деньги, то 10, то 25 рублей за вечеръ. Но столичная жизнь не измѣнила ни въ чемъ ни привычекъ, ни вкусовъ Рябинина. Все свободное время онъ посвящалъ своему обычному занятію—вязанью сѣтей. И, несмотря на большія деньги, которыя старикъ зарабатывалъ пѣніемъ, онъ былъ попрежнему очень скроменъ и въ одеждѣ, и въ пищѣ. Разсказываютъ, что однажды въ Москвѣ пригласила къ себѣ Рябинина одна богатая и знатная дама, заказавъ для него великолѣпный ужинъ. Но Иванъ Трофимовичъ отказался отъ угощенія, скромно попросивъ себѣ, вмѣсто изысканныхъ кушаній, «кваску и капустки». Говорятъ, что дама очень разсердилась на это и свое разочарованіе перенесла на Рябинина и на его пѣніе. -«Ничего тутъ особеннаго нѣтъ»,—говорила она своимъ знакомымъ: —«мужикъ да и только».

Однако столичная жизнь стала надоѣдать Рябинину, частыя приглашенія утомляли его. Къ тому же онъ безпокоился объ оставленной семьѣ и о своемъ хозяйствѣ.

— Ладно ли въ семьѣ, и не случилось ли чего, сохрани Богъ, со скотиной?—говорилъ онъ.

И вотъ, въ одинъ прекрасный день онъ неожиданно рѣшилъ:

— А уйду я домой отъ васъ: больно соскучилъ ужо. Вотъ, соберусь и уѣду. Прахъ ихъ побери—деньги!

Одному знакомому ученому, которому Рябининъ

пѣлъ старинки для записи, онъ сказалъ передъ отъѣздомъ:

— Пріѣзжай ужо въ Петрозаводскъ,—тамъ напою тебѣ, сколько хошь. Сѣнную избу знаешь? Какъ пріѣдешь, значитъ, туда, такъ и спроси: «а гдѣ, молъ, тутъ у васъ Иванъ Трофимовичъ»? Котора, стало быть, изба?—Всякой махонькой проведетъ... Такъ прямо ко мнѣ и пріѣзжай!

Своимъ пріѣздомъ въ столицы и частымъ пѣніемъ старинокъ въ учебныхъ заведеніяхъ Рябининъ много принесъ пользы нашей учащейся молодежи, да и всему русскому обществу. Онъ познакомилъ ихъ съ былинами, съ ихъ напѣвами, пробудилъ во многихъ любовь къ изученію древняго русскаго стихотворства.

Особенно любилъ Рябининъ пѣть про Илью Муромца, про Микулу и Вольгу. Что это за богатыри, которыхъ воспѣлъ русскій народъ въ своихъ былинахъ? Мы уже замѣтили, что былины создавались въ то отдаленное отъ насъ время, когда еще «зачиналась русская земля», то есть, когда славяне разселились по Дунаю, Днѣпру и Волхову. Тогда у нихъ стало зарождаться Кіевское княжество—колыбель могучей Россіи,—и имъ приходилось бороться и съ хозарами, и съ печенѣгами, и съ половцами и въ суровой борьбѣ отстаивать свою независимость. Воспоминанія объ этихъ событіяхъ и передаются въ былинахъ. Въ лицѣ Ильи Муромца русскій народъ изобразилъ самого себя. Въ былинѣ разсказывается, будто бы Илья, 30 лѣтъ

сидѣвшій сиднемъ, получилъ отъ Іисуса Христа необыкновенную силу, подобно тому, какъ и самъ русскій народъ получилъ свою мощь послѣ принятія христіанской вѣры. Получивъ чудеснымъ образомъ богатырскую силу, Илья сдѣлался «радѣтелемъ» Кіевскаго княжества, поборолъ Идолище Поганое, Соловья-Разбойника, татарскаго Калина-царя. Это значитъ, что русскій народъ, послѣ крещенія, вступилъ въ побѣдоносную борьбу съ погаными, т. е. язычниками. Въ лицѣ другихъ богатырей—Вольги и Добрыни—народъ представилъ княжескихъ дружинниковъ, которые своей военной службой защищали Русь отъ набѣговъ кочевыхъ народовъ-хищниковъ. Эти богатыри надѣлены храбростью и хитростью, но они слабѣе Ильи: они, вѣдь, только часть народа, служилое сословіе, а Илья это—весь русскій народъ! Наконецъ, въ былинѣ о Вольгѣ народъ высказалъ свой взглядъ на земледѣліе, какъ на главное свое занятіе. Микула представленъ землепашцемъ. Онъ сильнѣе всѣхъ прочихъ богатырей Святой Руси, потому что на его трудѣ, на его занятіяхъ зиждется все благополучіе и могущество государства.

Для образца приведемъ одну изъ былинъ, которую любилъ пѣть Рябининъ. Это — былина о Вольгѣ Святославичѣ и Микулѣ Селяниновичѣ. Вольга—племянникъ ласковаго князя Владиміра Красна-Солнышка, который пожаловалъ ему три города. И вотъ, Вольга поѣхалъ вмѣстѣ съ храброй своей дружиной собирать дань съ этихъ го-

Вольга Святославичъ и Микула Селяниновичъ.

Картина Н. Каразина («Русскіе богатыри», О. Роговой. Изд. А. Девріена).

родовъ. Выѣхалъ онъ въ чистое поле, увидѣлъ тамъ пахаря и услышалъ, какъ покрикивалъ на своего коня этотъ ратай.

Оретъ *) въ полѣ ратай, понукиваетъ.
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омешки **) по камешкамъ почеркиваютъ.
Ѣхалъ Вольга до ратая
День съ утра онъ до вечера,
Со своей дружинушкой хороброй,
А не могъ онъ до ратая доѣхати.
Ѣхалъ Вольга еще другой день,
Другой день съ утра до вечера,
А не могъ онъ до ратая доѣхати.
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Омешки по камешкамъ почеркиваютъ.
Ѣхалъ Вольга еще третій день,
Третій день съ утра до пабѣдья ***):
Наѣхалъ онъ въ чистомъ полѣ ратая:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Съ края въ край бороздки пометываетъ;
Въ край онъ уѣдетъ, другого не видать;
Коренья, каменья вывертываетъ,
А великіе-то всѣ каменья въ борозду валитъ.
Кобыла у ратая соловая ****),
Сошка у ратая кленовая,
Гужики у ратая шелковые.
Говоритъ Вольга таковы слова:

— «Божья те помочь, ратаюшко,
Орать. да пахать, да крестьянствовати,

*) Оретъ—взрываетъ землю сохою.
**) Омешь, омешка—ральникъ, сошникъ.
***) Пабѣдье—второй завтракъ; полудень.
****) Соловая—свѣтло-желтая съ бѣлыми гривою и хвостомъ.

Съ края до края бороздки пометывати,
Коренья, каменья вывертывати!»
Говорилъ ему ратай таковы слова:
— «Поди-тко, Вольга Святославовичъ,
Со своей со дружинушкой хороброю,
Мнѣ-ка надобна Божья помочь крестьянствовати.
Далеко ли, Вольга, ѣдешь, куда путь держишь
Со своей со дружинушкой храброю?»
— «Ай же ты, ратай-ратаюшко!
Ѣду въ городъ за получкою:
Къ первому городу ко Гурчевцу,
Ко другому городу Орѣховцу,
Ко третьему городу ко Крестьяновцу».
Говорилъ ему ратай таковы слова:
— «Ай же, Вольга Святославовичъ.
А недавно я былъ въ Городни, третьеводни,
На своей кобылѣ соловой,
Увезъ я оттоль соли только два мѣха,
Два мѣха соли по сороку пудъ.
И живутъ-то мужики всѣ разбойники,
Они просятъ грошевъ подорожныхъ:
А былъ я съ шалыгою *) подорожною,
Платилъ имъ гроши подорожные».
Говорилъ Вольга таковы слова:
— «Ай же ты, ратай-ратаюшко,
Поѣдемъ со мной въ товарищахъ!»
Оратай гужики повыстегнулъ,
Колы изъ сошки повывернулъ,
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
Говоритъ ратай таковы слова:
— «Ай же, Вольга Святославовичъ,
Оставилъ я сошку въ броздочкѣ,

*) Шалыга—плеть, кнутъ.

И не для-ради мужика деревенщины.
Кабы сошку съ земельки повыдернути,
Изъ омешковъ земельку повытряхнути
И бросить бы сошку за ракитовъ кустъ!»
Молодой Вольга Святославовичъ
Посылаетъ съ дружинушки хоробрыя
Пять молодцовъ могучихъ,
Чтобы сошку съ земельки повыдернули,
Изъ омешковъ земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.

Но дружинники никакъ не въ силахъ выдернуть сошку изъ земли. Тогда Вольга послалъ за тѣмъ же дѣломъ уже десять воиновъ, но и они ничего не могли сдѣлать. Наконецъ, поѣхалъ къ сошкѣ самъ Микула на своей кобылкѣ соловой, безъ всякаго труда, одной рукой вытащилъ сошку, землю изъ омешковъ повытряхнулъ и бросилъ сошку за ракитовъ кустъ. Затѣмъ всѣ снова двинулись въ путь.

Ратая кобылка-то рысью идетъ,
А Вольгинъ-отъ конь и поскакиваетъ:
У ратая кобылка-то грудью пошла,
А Вольгинъ-отъ конь оставается.
Сталъ Вольга тутъ покрикивати,
Колпакомъ Вольга сталъ помахивати:
— «Постой-ка ты, ратай-ратаюшко.
Этая кобылка конькомъ бы была,—
За эту кобылку пятьсотъ бы дали!»
Говорилъ ратай таковы слова:
— «Глупый ты, Вольга Святославовичъ!
Взялъ я кобылку жеребчикомъ сподъ матушки
И заплатилъ за кобылку пятьсотъ рублей:

Этая кобылка конькомъ бы была,—
За эту кобылку смѣты бы нѣтъ.»
Говорилъ Вольга Святославовичъ:

— «Ай же ты, ратай-ратаюшко,
Какъ-то тебя именемъ зовутъ,
Какъ величаютъ по отечеству?»
Говорилъ оратай таковы слова:
— «Ай же, Вольга Святославовичъ,
А я ржи напашу, да во скирды сложу,
Во скирды складу, домой выволочу,
Домой выволочу, да дома вымолочу,
Драни надеру, да и пива наварю,
Пива наварю, да и мужичковъ напою.
Станутъ мужички меня покликивать:
Молодой Микулушка Селяниновичъ»!

Вотъ какъ объясняется смыслъ этой старинки. «Въ былинѣ о встрѣчѣ Вольги съ Микулой русскій народъ высказалъ свой взглядъ на земледѣліе—свое исконное и любимое занятіе: по народному разумѣнію, въ земледѣліи заключается могучая, плодотворнѣйшая земская сила. Народъ изобразилъ своего любимца въ полной красѣ и силѣ: Микула селянинъ, т. е. крестьянинъ—сильнѣйшій богатырь: съ его сохой не могутъ справиться совокупныя силы Вольгиной дружины, тогда какъ Микула бросаетъ ее одной рукой, словно перышко, за ракитовъ кустъ. Могучій голосъ Микулы, понукивающаго на полосѣ лошадку, слышенъ за три дня пути: сошка его «кленовая», гужики у него «шелковые», «омешки серебряные»; «кобылка его соловая, доморощенная», опережаетъ дорогого коня

Вольги. Словомъ, народъ представилъ Микулу, своего любимца, какимъ-то «богомъ земледѣлія.» Въ этой любви народа къ пахарю сказался миролюбивый характеръ русскаго народа, который, сопоставляя воина Вольгу и его дружину съ пахаремъ, отдаетъ предпочтеніе послѣднему: по народному пониманію, дѣло пахаря полезнѣе, жизненнѣе военнаго, дружиннаго, какъ благодатный миръ лучше блестящей побѣдоносной войны» (А. Радонежскій).

Эту старинку поетъ Иванъ Трофимовичъ своимъ негромкимъ пріятнымъ голосомъ, съ какой-то особенной любовью произнося всѣ слова, которыя относятся къ Микулѣ Селяниновичу. Слушателямъ кажется, что, дѣйствительно, въ этой именно старинкѣ русскій народъ лучше выразилъ самого себя, и что недаромъ Рябининъ такъ любитъ Микулу, богатыря народа-пахаря, русскаго крестьянина.

Василій Петровичъ Щеголенокъ.

сказитель былинъ (1806—1882).

Василій Петровичъ Щеголенокъ,

сказитель былинъ (1806—1882).

Благословите, братцы, старину сказать,
Какъ старину вамъ сказать—стародавнюю,
Какъ про тѣ про годы—прежніе,
Какъ про тѣ времена—первоначальныя.

Запѣвка къ былинамъ.

Съ каждымъ годомъ русскій народъ все больше и больше забываетъ старыя пѣсни, которыя сочинены за нѣсколько столѣтій до насъ, но никѣмъ не были записаны и передавались лишь устно изъ поколѣнія въ поколѣніе. Про деревенскую молодежь, которая училась въ школѣ, была на фабрикѣ или въ городѣ, и говорить нечего: поетъ она или пѣсни изъ книгъ, или же пѣсни новомодныя, «частушки», совсѣмъ не похожія на тѣ старинныя пѣсни, которыя теперь рѣдко даже кто изъ стариковъ знаетъ. А это жаль, такъ какъ про каждый стихъ старыхъ пѣсенъ можно сказать, что

Здѣсь—русскій духъ,
Здѣсь Русью пахнетъ.

Въ русской старинѣ, въ жизни нашихъ далекихъ предковъ, было много хорошаго. Много хорошаго и въ тѣхъ старинахъ, или «старинкахъ», т. е. старыхъ пѣсняхъ, въ которыхъ, какъ въ зеркалѣ, отразился русскій духъ. Эти пѣсни почти

всюду позабыты—и сохранились лишь въ сѣверныхъ, губерніяхъ, въ глухихъ, такъ-называемыхъ, медвѣжьихъ углахъ. Тамъ народъ и до сихъ поръ поетъ эти старыя пѣсни и не знаетъ новомодныхъ. Когда наши ученые впервые познакомились со старинками, сохранившимися въ Олонецкой губерніи, то пришли въ восхищеніе. Въ пѣсняхъ этихъ необычайно хорошо описано былое изъ жизни русскаго народа. Поэтому они стали называть ихъ «былинами», записали эти пѣсни и стали ихъ изучать. Конечно, не всѣ крестьяне нашего Сѣвера обладаютъ хорошей памятью и голосомъ, чтобы считаться вообще пѣвцами и притомъ хорошими пѣвцами былинъ. Но попадаются люди, главнымъ образомъ, изъ стариковъ, которые помнятъ нѣсколько тысячъ стиховъ и, благодаря пріятному голосу, становятся самыми желанными гостями во всякой избѣ, особенно—во время посидѣлокъ.

Объ одномъ такомъ пѣвцѣ старинокъ, или, какъ этихъ пѣвцовъ называютъ въ Олонецкой губерніи, «старинщикѣ», Василіи Петровичѣ Щеголенкѣ, мы и разскажемъ, а сначала скажемъ о томъ, какъ и о чемъ поютъ эти люди.

«Долгіе зимніе вечера»,—говоритъ А. Грузинскій,—«отъ сумерокъ до глубокой ночи, проходятъ иногда за пѣніемъ былинъ. Соберется народъ въ избу вязать сѣти, и сказитель—какой-нибудь деревенскій портной, странствующій изъ деревни въ деревню,—начинаетъ пѣть. Подъ плавный напѣвъ

былины развертываются передъ слушателями картины древней русской жизни, гдѣ все такъ чудно, завлекательно, не похоже на сейчасъ текущую жизнь, но гдѣ въ то же время слушатель чуетъ много знакомаго и понятнаго своей душѣ. Вотъ разстилается «широко раздольице, чисто поле». Богатырь въ своемъ диковинномъ вооруженіи, верхомъ на могучемъ конѣ выѣхалъ на «шеломя на окатистое» *) и зорко вглядывается вдаль. Увидѣлъ онъ въ чистомъ полѣ чернизину, т. е. черную точку: это ѣдетъ врагъ-поленица **) удалая или злодѣй воръ Нахвальщина. Происходитъ богатырскій бой, драка великая. Вотъ нашъ богатырь сѣлъ на повергнутаго на землю противника, вынимаетъ чингалище ***) булатное и готовъ пороть ему груди бѣлыя, вынимать сердце съ печенью. И вдругъ оказывается, что мнимый врагъ—кровный, близкій богатырю: это—сынъ его... Неумолимое чингалище выпадаетъ изъ рукъ отца какъ-разъ въ то время, и у слушателей невольная дрожь ужаса смѣняется радостнымъ чувствомъ облегченія...

Вотъ подъ Кіевъ подступили татары, а защищать некому: «по грѣхамъ надъ княземъ учинилося,—богатырей во Кіевѣ не случилося». Пріѣхалъ отъ хана посолъ съ дерзкой угрозой разорить до тла весь Кіевъ и Божьи церкви на дымъ

---

*) Т. е. на крутой холмъ.

**) «Поленица» происходитъ отъ того же слова, что «исполинъ», и значитъ «великанъ».

***) Т. е. кинжалъ, кривой стальной ножъ.

пустить. Ласковое Солнышко-Владиміръ пріужахнулся и закручинился, повѣсилъ буйну голову ниже плечъ. Въ городѣ—смятеніе и плачъ! Но уже близится неожиданное избавленіе. «Какъ далече, далече въ чистомъ полѣ, не ясный соколъ въ перелетѣ летитъ, не бѣлый кречетъ перепархиваетъ,—ѣдетъ старый казакъ Илья Муромецъ». Со спокойной увѣренностью принимается онъ за дѣло, и скоро врагъ бѣжитъ и закаивается впередъ на Русь ходить.

Въ былинахъ проходятъ передъ слушателями длинной вереницей самыя разнообразныя личности. Одни изъ нихъ—люди сильные тѣломъ и духомъ. Грудью встрѣчаютъ они врага Родины и также открыто, не задумываясь, возстаютъ противъ несправедливости.—При внѣшней грубости они понимаютъ, что̀ такое нравственный долгъ, и ясно отличаютъ зло отъ добра. На ряду съ ними являются другія личности, съ пятнами въ характерѣ. Онѣ нерѣдко испытываютъ неудачу въ своихъ замыслахъ, и ихъ лживость встрѣчаетъ заслуженную кару или осмѣяніе.

Неторопливо течетъ разсказъ въ мѣрномъ напѣвѣ. Медленно движутся событія, и смѣняется картина картиной, но тѣмъ глубже западаютъ онѣ въ душу, и тѣмъ сильнѣе очарованіе слушателей. Всѣ сдвинулись къ пѣвцу и слушаютъ съ напряженнымъ вниманіемъ. Лишь изрѣдка изъ чьей-нибудь переполненной души вырвется восклицаніе сочувствія или страха, одобренія или насмѣшки надъ

однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ. Всѣ переживаютъ въ это время рядъ глубокихъ впечатлѣній. Ладожскіе рыбаки говорили Рябинину *), который забрелъ къ нимъ на промыслъ:

— Если бы ты къ намъ жить пошелъ, мы бы на тебя работали. Лишь бы ты намъ сказывалъ, а мы тебя бы слушали.

Сказитель является въ такія минуты истиннымъ просвѣтителемъ и воспитателемъ своихъ слушателей. Онъ даетъ имъ знаніе прошлой жизни русскаго народа: пусть не вполнѣ правдоподобны важнѣйшія событія этого прошлаго, но всегда вѣренъ внутренній смыслъ его. А что всего дороже,—былины расширяютъ духовный кругозоръ крестьянина. Его понятія уже не замыкаются его волостью или рамками его личной жизни. Онъ чувствуетъ свою связь съ цѣлымъ рядомъ прошлыхъ поколѣній. Передъ нимъ движется «въ лицахъ» добро и зло человѣческой души, со всѣми ихъ послѣдствіями. Онъ свободно участвуетъ въ ихъ оцѣнкѣ и вырабатываетъ въ себѣ болѣе широкія нравственныя основы жизни».

Теперь намъ понятна польза, которую получаютъ русскіе люди, слушая былины. Теперь понятна намъ и заслуга «старинщиковъ», какъ истинныхъ просвѣтителей крестьянъ нашего Сѣвера. А потому каждому должно быть интересно узнать о

---

*) Иванъ Трофимовичъ Рябининъ—также одинъ изъ лучшихъ пѣвцовъ былинъ, и о жизни его разсказано въ нашей книжкѣ.

лучшемъ изъ такихъ людей и о томъ, что пѣли подобные ему пѣвцы.

Олонецкій крестьянинъ Василій Петровичъ Щеголенокъ родился въ деревнѣ Боярщинѣ, Кижской волости, въ 1806 году. Отецъ его занимался крестьянскимъ дѣломъ, но надо знать, что въ Олонецкой губерніи однимъ этимъ семью и себя не прокормить. Земля тамъ плохая, много лѣсовъ, болотъ и камней, а главное—тамъ холодно, лѣто короткое. Поэтому большинство крестьянъ занимается еще какимъ-нибудь промысломъ. Петръ Щеголенокъ занимался сапожнымъ ремесломъ и обучалъ этому ремеслу и сына съ дѣтства. Отецъ Васи совсѣмъ почти не пѣлъ: если зналъ онъ двѣ-три былины, то путалъ ихъ и при людяхъ пѣть не рѣшался. И особенно не рѣшился бы онъ пѣть при своемъ старомъ отцѣ или братѣ Тимоѳеѣ. Оба они были большими мастерами по части пѣнія и знали старинокъ больше, пожалуй, чѣмъ всѣ остальные крестьяне Боярщины. Старикъ пѣлъ хорошо, мягкимъ голосомъ, не торопясь, рѣдко забывая въ пѣснѣ какое-нибудь слово, хотя въ то время, когда Вася сталъ подросткомъ и могъ «перенять» отъ него старинки,—старикъ сталъ замѣтно дряхлѣть. Но чего не запомнитъ, бывало, старикъ,—все это поправитъ ему Тимоѳей. Тимоѳей приходился дядей Васи. Былъ онъ человѣкъ убогій, безъ ногъ. Къ крестьянскому дѣлу Тимоѳей совсѣмъ не былъ способенъ и цѣлыя сорокъ лѣтъ провелъ въ избѣ, рѣдко выползая на улицу. Сидѣлъ онъ въ углу

избы, на одномъ и томъ же мѣстѣ и помогалъ брату въ сапожномъ дѣлѣ.

Когда Василій сталъ старикомъ, когда про него узнали въ Петербургѣ, и въ Боярщину пріѣхалъ академикъ *) А. Гильфердингъ,—то онъ самъ не могъ опредѣленно сказать, отъ кого онъ больше узналъ старинокъ: отъ дѣда, или отъ безногаго дяди. Кажется, больше отъ второго, потому что съ нимъ проводилъ и большую часть времени. Кромѣ того, Василій Петровичъ узналъ не мало старинокъ также и отъ другихъ стариковъ, и изъ своей деревни, и изъ чужихъ. Память у Щеголенка была удивительная. Онъ не только помнилъ много стиховъ, но помнилъ ихъ точно: ни одного стиха не измѣнитъ, сколько разъ ни сталъ бы пѣть, какъ будто пѣлъ по книгѣ. И если когда-нибудь раньше онъ сдѣлалъ измѣненія, то каждый разъ будетъ повторять ихъ. На самомъ же дѣлѣ онъ не зналъ грамоты. Въ дѣтствѣ никто его не обучилъ чтенію или письму, а затѣмъ, уже въ зрѣлые годы, Щеголенокъ полагалъ, что учиться ему поздно. Человѣкъ онъ былъ набожный, богобоязненный. Любилъ онъ ходить по монастырямъ, слушать божественныя книги. А такъ какъ память у него была удивительная, то великолѣпно помнилъ прослушанное хоть однажды. Въ свою рѣчь онъ любилъ вставлять разныя изреченія изъ священныхъ книгъ, любилъ говорить «по-книжному», такъ что на первый разъ, кто его

*) Членъ Академіи Наукъ.

не зналъ близко, могъ бы подумать, что Щеголенокъ—изъ духовнаго званія. Поэтому и изъ старинокъ, которыя зналъ Щеголенокъ, онъ больше любилъ тѣ, которыя напоминали божественное: житіе святого, поученіе, какой-нибудь стихъ церков-

Академикъ А. А. Гильфердингъ,
записавшій со словъ Щеголенка лучшія былины.

ный и т. д. Такія старинки называются «духовными стихами», и обыкновенно ихъ распѣваетъ нищая братія.

Первый изъ ученыхъ, узнавшихъ о Щеголенкѣ, былъ Рыбниковъ. Затѣмъ въ Боярщину пріѣзжали профессоръ С.-Петербургскаго университета Орестъ Миллеръ, академикъ А. Гильфердингъ и учитель се-

минаріи въ Петрозоводскѣ Е. В. Барсовъ. Каждый изъ нихъ успѣвалъ записать отъ старика Василія Петровича не одинъ десятокъ старинокъ. Самыми рѣдкими изъ нихъ оказались старинки объ Ильѣ Муромцѣ, Садкѣ богатомъ гостѣ, Добрынѣ Никитичѣ, Чурилѣ Пленковичѣ, Дунаѣ Ивановичѣ, Хотенѣ Блудовичѣ и другихъ богатыряхъ, а также пѣсня о Царѣ Иванѣ Грозномъ.

Чтобы читатели составили себѣ лучшее представленіе объ этихъ старинкахъ, приведемъ отрывки изъ былины объ Ильѣ Муромцѣ.

«Илья Муромецъ—главный богатырь (атаманъ), любимое лицо былинъ,»—говоритъ А. Радонежскій.—«Народъ съ особою любовью, яркими красками, «краснымъ багрянцемъ да золотцемъ», нарисовалъ величавый образъ Ильи Муромца—своего любимца:

Одно солнце на небѣ, одинъ мѣсяцъ:
Одинъ богатырь на Святой Руси—
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ;
Его любитъ мать сыра земля,
Смерть ему въ бою не писана.

Илья, крестьянскій сынъ, родомъ изъ Мурома, изъ села Карачарова, сиднемъ сидѣлъ тридцать три года. Пришла къ нему нищая братія: Самъ Іисусъ Христосъ да два Апостола и велятъ принести испить. Илья говоритъ:

«Ниша братія, я безъ рукъ, безъ ногъ».
— «Ты вставай, Илья, насъ не обманывай»...

Илья попробовалъ приподняться и, ровно встрепанный, всталъ, пошелъ и принесъ чашу въ полтора ведра. Братія велитъ ему пить. Илья выпивалъ чашу безъ отдыха и, выпивши, почуялъ въ себѣ такую силу великую, что, если бы—

Отъ земли былъ бы столбъ до небушки,
Къ столбу было бы золото кольцо,—
За кольцо бы взялъ, Святорусску землю поворотилъ.

Послѣ этого Илья заснулъ богатырскимъ сномъ на двѣсти дней. Проснувшись, сталъ могучимъ, славнымъ богатыремъ и проситъ у отца благословенія ѣхать въ Кіевъ—

Помолиться чудотворцамъ Кіевскимъ,
Заложиться за князя Владиміра,
Послужить ему вѣрой-правдою,
Постоять за вѣру христіанскую.

Ильѣ не суждено умереть въ бою.

Написано было у Святыхъ Отцовъ,
Удумано было у Апостоловъ:
Не быть Ильѣ въ чистомъ полѣ убитому.

Илья Муромецъ совершаетъ много подвиговъ, между которыми самые важные слѣдующіе: 1) плѣненіе Соловья-Разбойника, 2) уничтоженіе Идолища Поганаго и 3) освобожденіе Кіева отъ Калина-царя.

Первая изъ былинъ начинается описаніемъ богатырской поѣздки Ильи.

Какъ изъ славнаго города Мурома,
Изъ того села Карачарова,
Какъ была-те поѣздка богатырская,—
Наряжался Илья Муромецъ Ивановичъ

Ко стольному городу ко Кіеву.
Онъ ѣдетъ дорогою прямоѣзжею,
Котора залегла ровно тридцать лѣтъ,
Черезъ тѣ лѣса Брынскіе,
Черезъ черны грязи Смоленскія:
И залегъ ее, дорогу, Соловей-разбойникъ.
И кладетъ Илья заповѣдь великую:
Что проѣхать дорогу прямоѣзжую,
Котора залегла ровно тридцать лѣтъ,
Не вымать *) изъ налушка **) тугой лукъ,
Изъ колчана ***) не вымать калену стрѣлу.
Беретъ благословеніе великое у отца съ матерью,
А и только его, Илью, видѣли.
Прощался съ отцомъ да съ матерью
И садился Илья на своего добра коня,
А и выѣхалъ Илья со двора своего
Во тѣ ворота широкія.
Какъ стеганетъ онъ коня по тучнымъ бедрамъ—
А и конь подъ Ильею разсержается:
Онъ первый ускокъ ступилъ за пять верстъ,
А другого ускока не могли найти.
Поѣхалъ онъ черезъ тѣ лѣса Брынскіе,
Черезъ тѣ грязи Смоленскія.
Какъ будетъ Илья во темныхъ лѣсахъ,
Во темныхъ лѣсахъ во Брынскихъ,—
Наѣзжалъ Илья на девять дубовъ,
И наѣхалъ онъ, Илья, Соловья разбойника.
И заслышалъ Соловей разбойникъ
Того ли топу коннаго
И тоя ли поѣздки богатырскія,—

---

*) Т. е. вынимать.

**) Налучникъ—плоскій ящикъ или сумка, гдѣ хранился лукъ.

***) Въ другомъ ящикѣ или сумкѣ хранились стрѣлы; иногда оба эти помѣщенія для оружія устраивались вмѣстѣ, и тогда сумка состояла изъ двухъ отдѣленій.

Засвисталъ Соловей по-соловьиному,
А въ другой зашипѣлъ разбойникъ по-змѣиному,
А втретьи зрявкаетъ по-звѣриному.
Подъ Ильею конь окарачился
И падалъ на кукорачъ *).
Говоритъ Илья Муромецъ Ивановичъ:
— «Ахъ ты, волчья сыть, травяной мѣшокъ!
Не бывалъ ты въ пещерахъ бѣлокаменныхъ,
Не бывалъ ты, конь, во темныхъ лѣсахъ,
Не слыхалъ ты свисту соловьинаго,
Не слыхалъ ты шипу змѣинаго,
А того ли ты крику звѣринаго,
А звѣринаго крику туринаго!»
Разрушаетъ Илья заповѣдь великую,
Вынимаетъ стрѣлу каленую
И стрѣляетъ въ Соловья-разбойника.
И попалъ Соловью да въ правый глазъ.
Полетѣлъ Соловей' съ сыра дуба
Комомъ ко сырой земли.

Подхватилъ Илья Муромецъ Соловья на бѣлы руки,
Привязалъ Соловья ко той лукѣ ко сѣдельныя,
Проѣхалъ онъ воровскую заставу крѣпкую,
Подъѣзжаетъ ко подворью ко дворянскому.

Жена Соловья-разбойника хочетъ освободить мужа. Она съ высоты терема смотрѣла въ трубки нѣмецкія, увидала побѣду Ильи и стала звать сыновей: «А встаньте, обудитесь, добры молодцы, а девять сыновей, ясны соколы! Вы подите въ подвалы глубокіе, берите мои золотые ключи, отмыкайте мои окованные ларцы, а берите вы мою золотую казну, выносите ее на широкій дворъ и

*) Присѣлъ на заднія ноги.

Илья Муромецъ везетъ въ Кіевъ Соловья разбойника.

Картина Н. Каразина («Русскіе богатыри», О. Роговой. Изд. А. Девріена).

встрѣчайте удала добра молодца. А ѣдетъ, молодцы, чужой мужикъ, отца-то вашего въ торокахъ *) везетъ». Но сыновья отказались. Напрасно жена Соловья предлагала богатырю взять въ видѣ выкупа золотой казны, сколько ему вздумается. Илья быстро промчался мимо.

Пріѣзжаетъ Илья онъ во Кіевъ градъ,
Середи двора княженецкаго,
И скочилъ онъ, Илья, со добра коня,
Привязалъ коня ко дубову столбу,
Походилъ онъ во гридню **) во свѣтлую,
И молился онъ Спасу со Пречистою,
Поклонился князю съ княгинею,
На всѣ четыре стороны.
У великаго князя у Владиміра,
У него князя—почестной пиръ;
А и много на пиру было князей и бояръ,
Много сильныхъ могучихъ богатырей;
И поднесли ему, Ильѣ, чашу зелена вина,
А была та чаша въ полтора ведра.
Принимаетъ Илья единой рукой,
Выпиваетъ чашу единымъ духомъ,
Говорилъ ему ласковый Владиміръ князь:
— «Ты скажись, молодецъ, какъ именемъ зовутъ,
А по имени тебѣ можно мѣсто дать,
По изотечеству пожаловати».
И отвѣчаетъ Илья Муромецъ Ивановичъ:
— «А ты, ласковый стольный Владиміръ князь!
Зовутъ меня Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ;
И проѣхалъ я дорогу прямоѣзжую

*) Ремни, которыми охотники привязываютъ убитую дичь.
**) Большая комната въ хоромахъ великаго князя.

Изъ стольнаго города изъ Мурома,
Изъ того села Карачарова».
Гсворятъ тутъ могучи богатыри:
— «А ласково солнце, Владиміръ князь,
Въ очахъ дѣтина завирается;
А гдѣ ему проѣхать дорогой прямоѣзжею?
Залегла та дорога тридцать лѣтъ
Отъ того Соловья разбойника».
Говоритъ Илья Муромецъ:
— «Гой еси ты, сударь, Владиміръ князь,
Посмотри мою удачу богатырскую,
Вонъ я привезъ Соловья разбойника на дворъ
къ тебѣ».
И втапоры *) Илья Муромецъ
Пошелъ съ великимъ княземъ на широкій дворъ
Смотрѣть его удачи богатырскія.
Выходили тутo князи, бояре,
Всѣ русскіе могучіе богатыри:
Самсонъ богатырь Колывановичъ,
Святогоръ богатырь, сынъ Домантьевичъ,
И семь-то братовъ Збродовичи,
Еще мужики были Залѣшане,
А еще два брата Хапиловы,—
Только было у князя ихъ тридцать молодцовъ.
Выходилъ Илья на широкій дворъ,
Ко тому Соловью разбойнику,
Онъ Соловья сталъ уговаривать:
— «Ты послушай меня, Соловей разбойникъ
младъ,
Посвисти, Соловей, по-соловьиному,
Пошипи, змѣя, по-змѣиному
И потѣшь князя Владиміра!»

*) Т. е. въ ту пору, въ то время.

Засвисталъ Соловей по-соловьиному,—
Оглушилъ онъ въ Кіевѣ князей и бояръ;
Зашипѣлъ злодѣй по-змѣиному;
Онъ втретье зрявкаетъ по-туриному,—
А и князи и бояра испужалися,
На корачкахъ по двору наползалися,
И всѣ сильны богатыри могучіе.
И накурилъ онъ бѣды несносныя:
Гостины *) кони со двора разбѣжалися,
И Владиміръ князь едва живъ стоитъ,
Со душой-княгиней Апраксѣевной.
Говорилъ тутъ ласковый Владиміръ князь:
— «А и ты гой еси, Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
Уйми ты Соловья разбойника,
А и эта шутка намъ не надобна!»

Былины объ Ильѣ Муромцѣ, Добрынѣ Никитичѣ, Алешѣ Поповичѣ и еще нѣсколькихъ богатыряхъ относятся къ Кіеву. Большей частью въ нихъ говорится о борьбѣ Руси съ кочевыми сосѣдними народами—печенѣгами, половцами, татарами. Но существуютъ особыя былины, въ которыхъ дѣйствуютъ люди новгородскіе, гдѣ описываются уже не битвы, а торговля и богатство Новгорода Великаго. Одна изъ такихъ былинъ, которую пѣлъ Щеголенокъ, говоритъ о богатомъ гостѣ, т. е. заморскомъ купцѣ, Садкѣ. А. Радонежскій передаетъ содержаніе этой былины слѣдующимъ образомъ. «Садко-молодецъ, у котораго все имущество было гусли яровчаты, звонкія, двѣнадцать

*) Т. е. гостей.

лѣтъ гулялъ по Волгѣ. Захотѣлось молодцу побывать въ Новгородѣ. Садко прощается съ Волгой, въ благодарность ей бросаетъ кусокъ хлѣба съ солью. Волга велитъ Садкѣ поклониться отъ нея своему брату, славному озеру Ильменю. Ильмень ласково принялъ поклонъ отъ Волги-сестры и велѣлъ Садкѣ закинуть въ озеро три невода. Садко закинулъ три невода и наловилъ много разной рыбы, сложилъ ее въ погреба, а тамъ рыбы превратились въ деньги, въ безсчетную казну. На эти деньги Садко въ Новгородѣ накупаетъ всѣ товары заморскіе, строитъ три церкви:

Кресты, маковицы залиты золотомъ,
Онъ мѣстныя иконы изукрашивалъ,
Чистымъ жемчугомъ усаживалъ,
Царскія двери вызолачивалъ.

По другой былинѣ, Садкѣ помогъ разбогатѣть царь морской, жившій на днѣ Ильмень-озера. Онъ ему за игру на гусляхъ даетъ «три рыбины—золотыя перья». На свою безсчетную казну Садко построилъ тридцать кораблей.

На тѣ на корабли на червленные
Свалилъ товары новгородскіе,
Поѣхалъ Садко по Волхову,
Съ Волохова во Ладожское,
А съ Ладожска на Неву рѣку,
А съ Невы рѣки во сине море,
Какъ поѣхалъ онъ по синю морю,
Воротилъ онъ въ Золоту Орду;
Продавалъ товары Новгородскіе,
Получалъ барыши великіе.

Поднимается на морѣ буря. По вѣрованію Садки и его дружины, это разгнѣвался царь морской. Чтобы умилостивить морскаго царя и утишить волненіе, Садко приноситъ въ жертву бочку серебра. Буря пуще свирѣпѣетъ. Тогда рѣшилъ Садко, что морской царь требуетъ «живой головы» себѣ въ жертву. Кинули жребій, кого бросить въ море. Выпалъ жребій самому Садкѣ».

Въ былинѣ этотъ случай описывается подробно.

Какъ по морю, морю синему,
Бѣгутъ-побѣгутъ тридцать кораблей,
Тридцать кораблей—единъ соколъ-корабль
Самого Садки, гостя богатаго.
А всѣ корабли, что̀ соколы летятъ,
Соколъ-корабль на морѣ стоитъ.
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
— «А, ярыжки, *) люди вы наемные,
А наемные люди, подначальные!
А вмѣстѣ всѣ вы собирайтеся,
А и рѣжьте жеребьи вы валжены **),
А и всякъ то пиши на имена,
И бросайте вы ихъ на сине море».
Садко покинулъ хмѣлево перо,
И на немъ-то подпись подписана,
А и самъ Садко приговариваетъ:
— «А, ярыжки, люди вы наемные,
А слушайте рѣчи праведныхъ.
А бросимъ мы ихъ на сине море:
Которые бы по верху плывутъ,
А и тѣ бы душоньки—правыя;

*) Ярыги, или ярыжки,—низшіе слуги.
**) Значитъ, «тяжелыя».

Садко—богатый гость Новгородскій.

Картина Н. Каразина (Русскіе богатыри», О. Роговой. Изд. А Девріена).

Что которые-то во морѣ тонутъ,
А мы тѣхъ спихнемъ во сине море».
А всѣ жеребья по верху плывутъ,
Кабы яры гоголи *) по заводямъ;
Единъ жеребій во морѣ тонетъ:
Во морѣ тонетъ хмѣлево перо
Самого Садки, гостя богатаго.
Говорилъ Садко купецъ, богатый гость:
— «Вы, ярыжки, люди наемные,
А наемные люди, подначальные.
А вы рѣжьте жеребья ветлиные **),
А пишите всякъ себѣ на имена.»
А и самъ къ нимъ приговариваетъ:
— «А которы жеребья во морѣ тонутъ,
А и то бы душоньки—правыя».
А и Садко покинулъ жребій булатный,
Синяго булату, вѣдь, заморскаго,
Вѣсомъ-то жеребій во десять пудъ.
А и всѣ жеребья во морѣ тонутъ,
Единъ жеребій по верху плыветъ:
Самого Садки, гостя богатаго.
Говоритъ тутъ Садко купецъ, богатый гость
— «Вы, ярыжки, люди наемные,
А наемные люди, подначальные.
Я—самъ, Садко, знаю, вѣдаю:
Бѣгаю по морю двѣнадцать лѣтъ,
А тому царю заморскому
Не платилъ я дани, пошлины,
И во то сине море Хвалынское
Хлѣбъ съ солью не опускивалъ,—
По меня, Садка, смерть пришла.
И вы, купцы, гости богатые,

*) Дикія утки.
**) Значитъ «легкіе».

А вы, цѣловальники любимые,
А и всѣ приказчики хорошіе,
Принесите шубу соболиную».
И скоро Садко наряжается.
Беретъ онъ гусли звончатыя
Со хороши струны золотыя,
И беретъ онъ шахматницу дорогу
Со золоты тавлеями *).
И спущали сходню вѣдь серебряну,
Подъ краснымъ золотомъ.
Походилъ Садко купецъ, богатый гость,
Спущался онъ на сине море,
Садился онъ на шахматницу золотую;
А ярыжки, люди наемные,
А наемные люди, подначальные
Утащили сходню серебряну,
И серебряну подъ краснымъ золотомъ
Ее на соколъ-корабль.
А Садко остался на синемъ морѣ.
А соколъ-корабль по морю пошелъ,
И всѣ корабли, какъ соколы, летятъ,
А единый корабль по морю бѣжитъ,
Какъ бѣлъ кречетъ,—
Самого Садки, гостя богатаго.

Садко сталъ опускаться на дно морское. Въ подводномъ царствѣ онъ увидѣлъ избу великую. Это—дворецъ морского царя. Царь морской обрадовался приходу Садки, котораго онъ ждалъ 12 лѣтъ Сталъ царь угощать гостя разными винами, сталъ просить, чтобы Садко поигралъ на своихъ гусляхъ. Подъ звуки его пѣсни плясалъ морской царь, и

*) Т. е. дорогую шахматную доску съ золотыми клѣтками.

отъ этого на морѣ поднялась буря. И когда Садко уснулъ, во снѣ ему явился святитель Николай и сказалъ:

— «Гой еси ты, Садко купецъ, богатый гость,
А рви ты свои струны золотыя,
И бросай ты гусли звончатыя:
Расплясался у тебя царь морской,
А сине море всколебалося,
А и быстры рѣки разливалися,
Топятъ много бусы *), корабли,
Топятъ души напрасныя
Того народа православнаго».

А и тутъ Садко купецъ, богатый гость,
Изорвалъ онъ струны золотыя,
И бросаетъ гусли звончаты.
Пересталъ царь морской скакать и плясать:
Утихло море синее,
Утихли рѣки быстрыя.
А по утру сталъ тутъ царь морской,
Онъ сталъ Садка уговаривать—
А и хочетъ царь Садка женить,
И привелъ ему тридцать дѣвицъ.
Никола ему во снѣ наказывалъ:

— «Гой еси ты, купецъ, богатый гость!
И станетъ тебя женить царь морской,
Приведетъ онъ тридцать дѣвицъ;
Не бери ты изъ нихъ хорошую, румяную,
Возьми ты дѣвушку поваренную,
Поваренную, что котора хуже всѣхъ».

А и тутъ Садко, купецъ, богатый гость,
Онъ думался, не продумался,
И беретъ онъ дѣвушку поваренную,

*) Буса—большая лодка.

А котора дѣвушка похуже всѣхъ.

. . . . . .

Отъ сна Садко пробуждался,
Онъ очутился подъ Новымъ-городомъ,
А лѣвая нога во Волховъ-рѣкѣ.
И скочилъ Садко, испужался онъ,
Взглянулъ Садко на Новгородъ,
Узналъ онъ церкву, приходъ свой,
Того Николу Можайскаго,
Перекрестился крестомъ своимъ.
И глядитъ Садко: на Волховъ-рѣкѣ,
Отъ того синя моря Хвалынскаго,
По славной матушкѣ Волховъ-рѣкѣ,
Бѣгутъ-побѣгутъ тридцать кораблей,
Единъ корабль самого Садки, гостя богатаго.
И встрѣчаетъ Садко купецъ, богатый гость,
Цѣловальниковъ любимыхъ.
Всѣ корабли на пристань стали,
Сходни метали на крутой берегъ,
И вышли цѣловальники на крутъ берегъ.
И тутъ Садко поклоняется:
— «Здравствуйте, мои цѣловальники любимые
И приказчики хорошіе!»
И тутъ Садко купецъ, богатый гость,
Со всѣхъ кораблей въ таможню положилъ
Казны своей сорокъ тысячей—
По три дня не осматривали.

Много такихъ и иныхъ старинокъ пѣлъ Щеголенокъ своимъ гостямъ, которые записали все, что услышали отъ старика, а затѣмъ напечатали эти пѣсни, чтобы и другіе знали былины—быль родного народа. Пѣлъ Щеголенокъ не громко, пріятномъ старческимъ голосомъ, не спѣша.

Въ началѣ іюля 1871 года съ нимъ познакомился не разъ уже упомянутый академикъ Гильфердингъ. Пѣніе Василія Петровича такъ понравилось ему, что онъ рѣшилъ, во что бы ни стало, привезти старика въ Петербургъ, чтобы и другіе могли услышать старинки въ такомъ видѣ, какъ онѣ поются самими «старинщиками». И вотъ, осенью того же года Щеголенокъ побывалъ въ Петербургѣ, пѣлъ въ собраніи ученыхъ, въ засѣданіи Русскаго Географическаго общества. Пѣлъ онъ и въ частныхъ домахъ. Въ этотъ пріѣздъ отъ него успѣли записать еще нѣсколько былинъ, которыхъ не знали раньше. Во время пребыванія въ столицѣ съ него сняли портретъ, который напечатанъ у насъ въ началѣ настоящаго разсказа.

Со смертью Щеголенка, въ 1882 году, въ могилу сошелъ одинъ изъ послѣднихъ достопамятныхъ «старинщиковъ» Олонецкаго края.

Изданія Училищнаго при Святѣйшемъ Сунодѣ Совѣта.

I. Учебныя руководства и пособія.

1) Евангеліе на слав. яз. въ бум. 20 к.—**2) Краткій молитвословъ** на слав. яз., въ бум. 4 к.—**3) Псалтирь учебная**, въ бум. 25 к.—**4) Часословъ учебный для начальныхъ сельскихъ училищъ**, въ бум. 20 к.—**5) Октоихъ**, сирѣчь осмогласникъ учебный, обдержай воскресную службу осьми гласовъ, въ бум. 20 к.—**6) Церковно-славянская азбука.** Руководство для церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты. Сост. *Н. И. Ильминскій*: книжка первая, для учителей, въ бум. 12 к.; книжка вторая, для учениковъ, въ бум. 8 к.—**Двѣ таблицы буквъ** къ азбукѣ, 5 к.—**7) Обученіе церковно-славянской грамотѣ** въ церковно-приходскихъ школахъ и начальн. училищ. съ примѣрами для чтенія изъ Св. Писанія и изъ молитвъ и съ объяснен. для учителей. Сост. *Н. И. Ильминскій*. Книжка первая, для учителей, въ бум. 15 к.; книжка вторая для учениковъ, ц. въ бум. 20 к.—8) *Тернавцевъ В.* **Наша школа.** Годъ первый. Букварь и первое чтеніе, ц. 30 к. Книга вторая для чтенія, ц. 25 к.—9) *Кл. Лукашевичъ.* **Сѣятель.** Азбука и первое чтеніе, ц. 25 к.—10) Ея же. **Сѣятель.** Первая послѣ азбуки книга для чтенія, ц. 35 к.—11) Ея же. **Сѣятель. Второй годъ обученія**, ц. въ бум. 40 к.—12) *Ея же.* **Сѣятель.** Третій (и четвертый) годъ обученія, ц. 60 к.—13) *Крупская М.* **Букварь**, ц. 12 к.—14) *Н. Ѳ. Одинцовъ* и *В. С. Богоявленскій.* **Книга вторая для чтенія въ церковно-приходскихъ школахъ**, въ бум. 35 к., въ пер. 45 к.—15) *М. Нарскій.* **Ручеекъ.** Книжка для чтенія ц. 40 к. 16) Его же. **Ручеекъ.** Букварь. ц. 7 к. 17) **Начальные уроки по Закону Божію.** *П. С.* въ бум. 5 к.—18) **Историческія чтенія** изъ книгъ Ветхаго Завѣта (на рус. яз.), въ бум. 15 к.—То же, на слав. яз., ц. въ бум. 20 к.—19) **Начатки христіанскаго ученія**, ц. 6 к.—20) Прот. *П. Смирновъ.* **Наставленіе въ Законѣ Божіемъ**, въ бум. 15 к., въ пер. 25 к.—21) Еписк. *Агаѳодоръ.* **Наставленіе въ Законѣ Божіемъ**, ц. 15 к.—22) **О богослуженіи православной Церкви.**—Епископа *Гермогена*, въ бум. 20 к.—23) *Титовъ Ѳ.*, прот. **Отечественная исторія** церковная и гражданская, ц. 80 к.—24) **Обиходъ** учебный нотнаго пѣнія употребительныхъ церковныхъ распѣвовъ, ц. 60 к.—25) **Краткое руководство** къ первоначальн. изученію **церковнаго пѣнія** по квадратной нотѣ. Сост. *Д. Н. Соловьевъ*, въ бум. 25 к.—26) **Азбука** хорового пѣнія, съ практическими упражненіями и краткою христоматіею. Сост. *Д. Н. Соловьевъ*, въ бум. 50 к.—27) *Касторскій.* **Первыя ступени обученія пѣнію**, ц. 20 к.—28) *Цвѣтковъ.* **Методическія замѣтки** о рѣшеніи ариѳметическихъ задачъ и новая систематизація задачъ, ц. 15 к.—29) Его же. **Методическій сборникъ** ариѳметическихъ примѣровъ и задачъ. Первый годъ обученія, ц. 10 к. Второй годъ—ц. 15 к. Третій годъ—ц. 10 к.—30) **Русскія прописи** для церковно-приходскихъ школъ, ц. 10 к.—31) **1001 задача для умственнаго счета.** Пособіе для учителей сельскихъ школъ. Сост. *С. А. Рачинскій.* Спб. 1899, въ бум., ц. 15 к.—32) **Программы для школъ:** а) церковно-приходскихъ, ц. 15 к., б) второклассныхъ, ц. 20 к. и в) церковно-учительскихъ, ц. 25 к.—33) **Правила и программы** испытаній по духовному вѣдомству на званіе учителя или учительницы одноклассной церковно-приходской школы въ бум., ц. 5 к.—34) *Михалевъ*, свящ. **Диктанты**, ц. 25 к. 35) **Правила для церковно-учительской школы**, ц. 5 к. 36) **Правила для второклассной школы**, ц. 5 к. 37) **О мѣрахъ къ улучшенію** учебно-воспитательнаго дѣла въ инородческихъ ц.-пр. школахъ, ц. 5 к.

II. Книги для внѣ-класснаго чтенія.

38) **Училище благочестія** или примѣры христіанскихъ добродѣтелей, выбранные изъ житій святыхъ. Съ 18 рис., исполненными художникомъ *А. В. Серебряковымъ*. Спб. Стр. 1—550, въ бум. 90 к.—39) Изъ твореній св. Василія Великаго, архіепископа Кесаріи Каппадокійской. **Правила богоугодной жизни.** Въ новомъ переводѣ съ греческаго. Съ приложеніемъ краткаго жизнеописанія св. Василія, Спб. 1900. Стр. 1—152, въ бум. 30 к.—40) **Поученія и слово** въ недѣлю Ѳомину.—Протоіерея *І. И. Сергіева*. Спб. 1900. Стр. 1—20, въ бум. 5 к.—41) **Слова и поученія** въ недѣлю о слѣпомъ. Его же. Спб. 1903, стр. 1—15, въ бум. 5 к.—42) **Слова и поученія** въ недѣлю святыхъ женъ мироносицъ. Его же. Спб. 1903. Стр. 1—17, въ бум. 5 к.—43) **Слова и поученія** въ недѣлю о самаряныни. Его же. Спб. 1903. Стр. 1—24, въ бум. 5 к.—44) **Слова** въ недѣлю святыхъ отецъ. Его же. Спб. 1903. Стр. 1—26, въ бум. 5 к.—45) **Слова** въ недѣлю о разслабленномъ. Его же. Спб. 1903. Стр. 1—10, въ бум. 5 к.—46) **Бесѣды** о блаженствахъ Евангельскихъ. Его же. Спб. 1899. Стр. 1—79, въ бум. 15 к.—47) **Бесѣды** о Богѣ, Творцѣ и Промыслителѣ міра. Его же. Спб. 1900. Стр. 1—149, въ бум. 20 к.—48) **Св. Игнатій** Богоносецъ 6 к.—49) **Св. Поликарпъ**, епископъ Смирнскій, 6 к.—50) **Св. Іустинъ** Философъ, 6 к.—51) **Св. Поонинъ** и Ліонскіе мученики. 4 к.—52) **Св. Кипріанъ**, епископъ Карѳагенскій. 8 к.—53) Святые

епископы: **Петръ Александрійскій и Меѳодій Тирскій**, 8 к.—54) **Святый великомученикъ Георгій**, 6 к.—55) **Фабіола или катакомбы.** Сочин. кардинала *Уайзмена.* Переводъ съ англійскаго. Ц. 60 к.—56) *Иннокентій,* арх. Херсонскій. **Послѣдніе дни земной жизни Іисуса Христа**, ц. 60 к.—57) Его же. **Первая седмица Великаго поста**, ц. 25 к.—58) Его же. **Молитва святаго Ефрема Сирина.** 15 к.—59) Его же. **Страстная седмица Великаго поста**, ц. 35 к.—60) Его же. **Свѣтлая седмица**, ц. 30 к.—61) **Краткое сказаніе о жизни и трудахъ св. славянскихъ учителей Кирилла и Меѳодія.** Съ рис. и нотн. перелож. тропаря и кондака. Сост. *Х. Поповъ*, 5 к.—62) **Насажденіе православной христіанской вѣры въ Россіи** (980—1200 г.) Спб. 1898. Стр. 1—102. 25 к.—63) **Бесѣды по русской исторіи.** Книга для чтенія въ школѣ и дома. Изданіе третье. Спб. 1899. Стр. 1—449. 60 к.—64) **Боярин Лукьянъ Степановичъ Стрѣшневъ** (Филаретъ Милостивый на Святой Руси). Прот. *М. И. Хитрова.* 15 к.—65) *Гречулевичъ.* **Праздники Богородичные.** Ц. 12 к.—66) **Приключенія Оливера Твиста.** Соч. *Диккенса.* Перев. съ англійск. школьн. изданія. Ц. 40 к.—67) **Сельская школа.** Сборникъ статей *С. А. Рачинскаго.* Изданіе 5-е. Спб. 1902 г. Стр. 1—371, въ пер. Ц. 1 р.—68) *Рачинскій, С. А.* **Школьный походъ въ Нилову пустынь.** Ц. 15 к.—69) *Черепнинъ, Н.* **Объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.** Ц. 12 к. 70) *Вадковскій, С.* **Бесѣды о пользѣ пчеловодства.** Ц. 8 к.—71) **Избранныя сочиненія** *В. А. Жуковскаго.* Ц. 45 к.—72) **Мысли о воспитаніи и ученіи.** Спб. 1898. Ц. 5 к.—73) **Школьная библіотека и ея порядки** (со списками книгъ для библіотекъ церковно-приходскихъ школъ). 3 к.—74) **Сборникъ методическихъ разъясненій.** Ц. 60 к.—75) *Загоскинъ.* **Юрій Милославскій.** Ц. 50 к.—76) Его же. **Кузьма Рощинъ.** Ц. 15 к.—77) Его же. **Брынскій лѣсъ.** Ц. 35 к.—78) Его же. **Русскіе въ началѣ XVIII столѣтія.** Ц. 35 к.—79) *Козловъ.* **Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая.** Ц. 7 к.—80) *Фонвизинъ.* **Недоросль.** Ц. 12 к.—81) *Загоскинъ.* **Кузьма Петровичъ Мирошевъ.** Ц. 50 к.—82) Его же. **Рославлевъ или русскіе въ 12-мъ году.** Ц. 50 к.—83) **Уроки и примѣры христіанской вѣры, надежды и любви.** Протоіерея *Г. Дьяченко.* Ц. 5 р.—84) *Завьяловъ.* **Римскія катакомбы.** Ц. 80 к.—85) Его же. **Гоненіе на христіанъ при Діоклитіанѣ.** Ц. 1 р. 30 к.—86) Свящ. *К. Ивановскій.* **Преподобный Серафимъ Саровскій.** Ц. 45 к.—87) То же, сокр. изд. Ц. 10 к.—88) *Поповъ А.* **Сборникъ духовныхъ стихотвореній.** Ц. 35 к.—89) Его же. **Императоръ Александръ III**, ц. 80 к.—90) *Д. И. Троицкій.* Домонгольская Русь, ц. 1 р.—91) Его же. **Русь въ монгольскій періодъ**, вып. I, ц. 50 к.—92) *Хитровъ, М.* прот. **Годъ православнаго христіанина.** Ц. 50 к.—93) *Аренѣева, С.* **Разсказы изъ русской исторіи. Царствующій домъ Романовыхъ.** Вып. I. Ц. 60 к.—94) То же. Вып. II. Ц. 60 к.—95) То же. Вып. III. Ц. 60 к.—96) То же. Вып. IV. Ц. 60 к.—97) То же. Вып. V, ц. 60 к.—98) То же. Вып. VI, Ц. 60 к.—99) То же. Вып. VII. Ц. 60 к.—100) Ея же. **Разсказы изъ исторіи западныхъ окраинъ Россіи.** Вып. I. Ц. 60 к.—101) То же. Вып. II. Ц. 60 к.—102) То же. Вып. III. Ц. 60 к.—103) То же. Вып. IV. Ц. 60 к.—104) То же. Вып. V. Ц. 60 к.—105) То же. Вып. VI. Ц. 60 к.—106) Свящ. *К. Ивановскій.* **О христіанскомъ воспитаніи.** Ц. 20 к.—107) *Введенскій, Д.* **За счастье дѣтей.** (Вопросы христіанскаго воспитанія), Ц. 1 р.—108) Его же. **Небесныя звѣздочки**, ц. 80 к.—109) *Ельницкій, К.* **Привычки, ихъ значеніе и воспитаніе.** Ц. 10 к.—110) *Анастасіевъ А.* **Религіозно-нравственное воспитаніе въ начальной школѣ.** Ц. 30 к.—111) **Очеркъ просвѣтительной дѣятельности** *Н. Н. Ильминскаго.* Ц. 20 к.—112) *Маляревскій І.* **Замѣтки о преподаваніи по новой программѣ** одноклассной церковно-приходской школы. Ц. 18 к.—113) *Воронова Е.* **Школа въ Алуштѣ.** Ц. 25 к.—114) *Крестьянполь П.* **Руководственныя указанія по черченію.** Ц. 30 к.—115) *К. Лукашевичъ.* **Кирюша юродивый и Бѣлогрудка**, ц. 15 к.—116) Ея же. **Бѣдпота**, ц. 15 к.—117) **Старый Панфилычъ**, ц. 15 к.—118) **Тихонъ Михайловичъ**, ц. 20 к.—119) **Завѣтное окно**, ц. 12 к.—120) **Изъ жизни бѣдняковъ**, ц. 20 к.—121) *Бахтіаровъ А.* **Исторія первой печатной книги**, ц. 30 к.—122) Его же. **Какъ дѣлаютъ стекло и фарфоръ**, ц. 25 к.—123) *Я. И. Рудневъ,* **Очерки странъ и народовъ Азіи**, вып. I, ц. 40 к.—124) Его же. Вып. II, ц. 70 к.—125) *Вирениусъ.* **Куреніе табака**, ц. 10 к.—126) Его же. **Спиртные напитки**, ц. 12 к.—127) *Соловьева-Несмѣлова Н.* **Первый день Рождества**, ц. 10 к.—128) Его же. **Абросимычъ**, ц. 10 к.—129) Его же. **Скрипачъ**, ц. 12 к.—130) Его же. **Панкратъ**, ц. 10 к.—131) Его же. **Савельичъ**, ц. 8 к.—132) Его же. **Настя**, ц. 10 к.—133) Его же. **Подъ снѣгомъ и метелицей**, ц. 12 к.—134) Его же. **Христа ради**, ц. 10 к.—135) Его же. **Христославы**, ц. 8 к.—136) Его же. **Въ степи**, ц. 10 к.—137) *Поселянинъ.* **Святыя дѣти и дѣтскіе годы русскихъ святыхъ**, ц. 30 к.—138) *С. Аксаковъ.* **Избранныя сочиненія. Аленькой цвѣточекъ**, ц. 5 к.—139) Его же. **Изъ записокъ ружейнаго охотника**, ц. 7 к.—140) Его же. **Семейная хроника**, ц. 25 к.—141) Его же. **Дѣтскіе годы Багрова внука**, ц. 40 к.—142) *Прот. І. Восторговъ.* **Императоръ Александръ III**, ц. 7 к.—143) Его же. **Можно ли христіанину быть соціалистомъ?** ц. 3 к.—144) Его же. **Доброе слово православно-русскому народу по поводу современныхъ событій**, ц. 10 к.—145) **Карта Палестины**, накл., лакированная, ц. 1 р. 30 к., нелакированная, ц. 1 р. 20 к.; то же, карта ненаклеенная 60 и 50 к.;—146) **Карта древняго міра**, накл., лакирован. ц. 3 р. 20 к., нелакирован., ц. 3 р.—147) *Мятлева Т.* **Подводный міръ**, ц. 55 к.—148) Ея же. **Язычество и христіанство**, ц. 25 к.—149) *Андреевская В.* **Золотой крестикъ**, ц. 20 коп.

2007111993